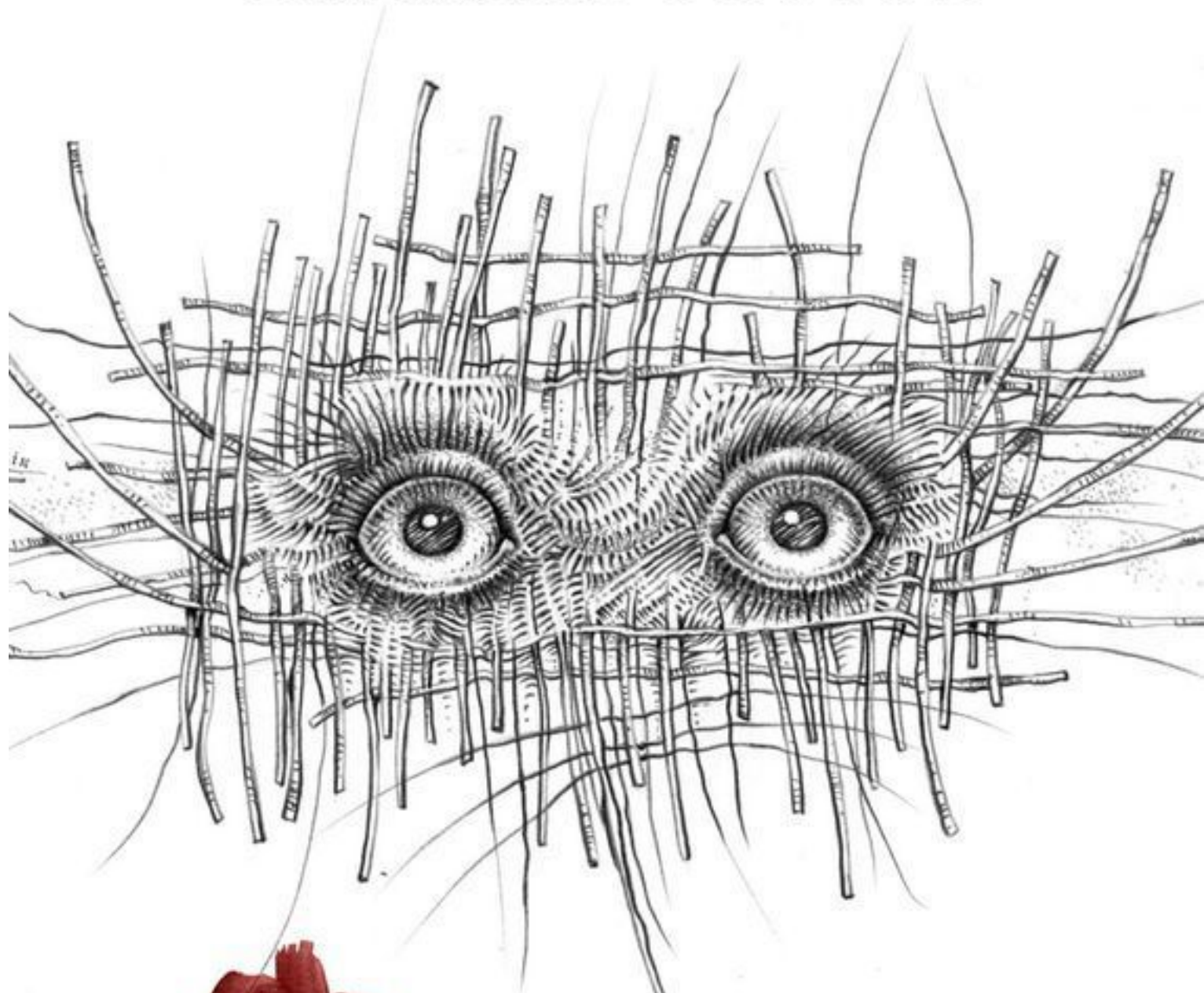

РАФАЭЛЬ ОСОТОВ

РАФАЭЛЬ ОСОТОВ

Рафаэль Осотов

ФИКЦИЯ

«Издательские решения»

Осотов Р.

Фикция / Р. Осотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830492-7

Читателя ждёт литературный артефакт: вроде бы и приключения, и детектив, и фантастика; но больше все-таки — сказочная повесть с волнующими глаз иллюстрациями Рамиля Алиева...

ISBN 978-5-44-830492-7

© Осотов Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 3,14	18
Глава 4	22
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фикция

Рафаэль Осотов

Иллюстратор Рамиль Алиев

Дизайнер обложки Евгений Боровков

© Рафаэль Осотов, 2017

© Рамиль Алиев, иллюстрации, 2017

© Евгений Боровков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-0492-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В поисках начала

– *Errare humanum est?* – состав судей, переглядываясь, в космическом недоумении закрутил пятью головами. – Ближе к делу, уважаемый защитник, ближе к делу. Прения ещё не начались...

Я молчал, машинально перебирая в лежащей передо мной папке собранный материал, и никак не мог сосредоточиться на том, что же все-таки было ближе к делу. Все гениальные идеи куда-то разом исчезли. Хотел как лучше – а провалился, как жалкий двоечник. Я стоял, молчал и ненавидел себя, а заодно и эти выглядывающие поверх высоченного бюро орехового дерева живые бюсты в белокурых париках. Глядя на них, отчего-то думалось о Змее Горыныче. Между тем трубный голос со стороны «горыныча» продолжал своё: «...изменения в законодательстве, устанавливающие, что в случае совершения убийства или причинения смерти, предположительно связанного с использованием новых технологий, наличие тела жертвы для определения состава преступления не обязательно. Таким образом, уважаемый защитник, ваша гипотеза об отсутствии объективной стороны правонарушения не отвечает элементарной логике».

Центральная голова, самая главная и самая недовольная, опять поглядела налево-направо, заручилась поддержкой и съязвила:

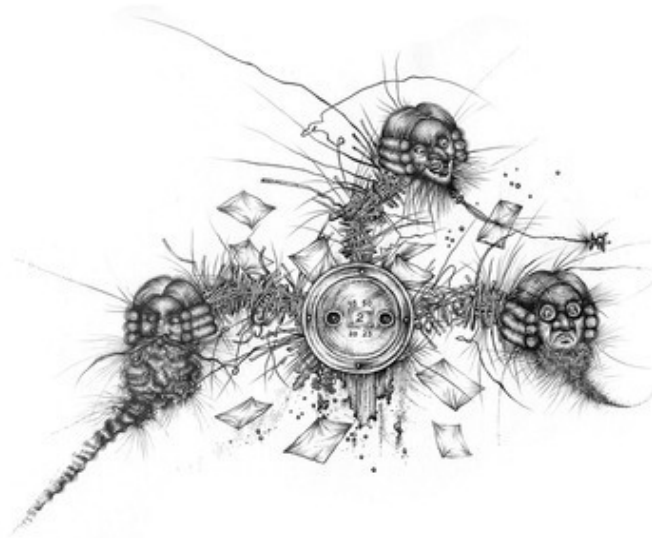
– То, что свойственно человеку, нам известно. Однако, этот аргумент вины с подсудимого не снимает и ничего не объясняет...

Не снимает и не объясняет! С этим я был, увы, согласен.

Но мистерия микроскопической ошибки, закравшейся в расчеты вундеркинда-физика и ставшей причиной настоящего уголовного процесса, не давала покоя. Отбиться от навязчивой эстетики этой идеи не получалось. И мысли продолжали вращаться вокруг знаменитой и универсальной фразы: *errare humanum est*.

Причём, самое смешное заключалось в том, что в этот самый момент спорил я пока не с судом, а сам с собой, лёжа в полубреду в железной койке в пустой тюремной камере, где-то в районе пересечения 48°, 50' и 2'' северной широты и 2°, 20' и 23'' восточной долготы. Из чего следовало, что идея об ошибке больше соответствовала моему собственному несчастью, чем несчастью клиента, заварившего всю эту кашу. Особенно после того, как капитан, завершив первый допрос, ненавистной мягкой походкой покинул камеру и оставил меня наедине с неизвестностью среди остановившегося времени... Было очевидно, что я тоже где-то просчитался, раз уж, несмотря на адвокатский иммунитет, вынужден был вести жалкое существование узника.

Я перевернулся на другой бок и попробовал сосредоточиться на другом. За неимением ясно просматриваемого будущего, хотелось покопаться в прошлом и найти начало этой удивительной истории. Хотя бы примерное. Взгляд скользил по шероховатой штукатурке стены. Остатки головной боли придавали ощущениям метафизическую театральность: штукатурка плыла перед глазами, складывалась в абстрактные картинки, словно в молекулярный состав кирпичной кладки тюремных стен входят галлюциногены или фрагменты философического камня. Куда бы я мысленно не обращался, тянуло в одну и ту же точку – где-то сантиметров пять-шесть над электрической розеткой. И там сразу отбрасывало на несколько недель назад, к той пятнице августа, когда Адель озадачила меня невозможным вопросом. Мне почему то казалось, что всё началось именно с него.

«Скучаешь?»

Такой вот был вопрос жены, застрявший занозой в памяти.

Тогда он вероломно врезался и, словно голодный кот ветчину, раскромсал деликатную поверхность почти музыкального стаккато «привет-привет-как-дела-нормально-когда-приедешь-скоро».

До вопроса фраза звучала уже пять раз, и с каждым новым звучанием встреча наша была всё ближе! С каждым новым разом смысл последнего слова «скоро» становился весомее! Но музыка оборвалась на шестом...

Почему же именно на шестом? И почему, собственно, нашим беседам должен был вестись счёт? И вообще, что особенного было в наших разговорах?

Вроде бы ничего. Кроме одной детали: нас разделяло несколько тысяч километров, и разговоры осуществлялись строго по графику, посредством единственного в ближайших пределах туристической деревни, где проживала Адель, телефона.

Почему по графику? Потому что ради полноценного отдыха мы избрали такое место, где все современные средства связи были запрещены.

– Все? – удивился я, когда Адель мне предложила такой необычный вариант для такого отпуска.

– Все современные, дорогой, – как для ученика первого класса, уточнила она. – Голубиная почта, например, разрешается. Так что на несколько дней тебе придётся позабыть о компьютере...

А я даже не представлял, что такие первобытные места могли ещё существовать на нашей матушке-Земле.

– Но это же Парк Юрского периода! – попытался было я тогда оказать сопротивление. Однако, в итоге, переговоры получились недолгими, потому что идея понравилась – хотелось испробовать необычного фрукта – и я быстро сдался. Вот почему уехавшей на каникулы неделей раньше Адель приходилось, как в древние времена, просто-напросто идти на почту! Хорошо ещё не голубей пускать, а звонить. А проделывала она это один раз в день. Вот и вся арифметика: сколько получается за шесть дней?

...Но вернёмся к вопросу! Почему же такой простенький вопрос мне тогда показался таким вероломным? Ведь он мог бы вполне стать естественным продолжением стаккато, родить новую вариацию на старую тему... Почему? Чёткое объяснение найти было трудно. Возможно, виной тому был взгляд Адель. Точно помню, как ещё до нашего «привет-привет» на её неожи-

данно ставшем неподвижным лице появился подозрительный признак: брови упругими рессорными пружинками выгнулись кверху, а потом – пум, и как бы соскочили с курка, и вверх. А на моей реплике «скоро» под ними сердитыми угольками уже пламенел взгляд. Так что моё обещание приехать уже выглядело неубедительно. Через какую-то долю секунды после этого, как раз в тот момент, когда прозвучал её неожиданный вопрос, в голове быстро материализовалась догадка: здесь, под Парижем, было три часа пополудни, а я сидел в мохнатом банном халате, похожий на огромную игрушку. Так что реакция Адель на мужа в таком неглиже была совершенно естественна. Но я всё же обиделся...

Кстати, скучал ли я?

Попала Адель мимо цели (я никогда не скучаю – склад ума не тот), однако же недалеко. Потому что захотелось вдруг признаться, что да, естественно, скучаю, что всё надоело, что, наконец, все хочется бросить и уехать к ним в Африку...

– Причём прямо вот так, в халате... – осторожно добавил тогда я, надеясь незатейливым способом разрядить обстановку, пока не началось кровопролитие.

– Разумеется хочется, только срочная работа держит... – решительно отвергла она моё приглашение на шуточный тон. Брови ее продолжали парение на прежней, недостижимой высоте недовольства.

Тогда я замолчал. Повернулся боком к экрану, делая вид, что копаюсь в каких то деловых бумагах, благо стопок на столе было хоть отбавляй, и все – как маленькие небоскрёбы, в несколько этажей. Кое-какие листы нервно сорвались и запланировали на пол. Захотелось спихнуть туда же и остальные.

Было обидно. Где-то внутри опасно затлел фитиль, ведущий к взрыву. Но секунды дипломатично замедлили бег, давая нам возможность помириться. Я вынужден был признать: Адель была права – и про работу (будь она...) и про халат (чтоб ему...).

– Помнишь, – решил я взять себя в руки и плавно отвести беседу в другое, более спокойное русло, – я играл в э-клубе в шахматы с одним типом; я его ещё называл «номер на груди», потому что все данные о нём были засекречены, и он выходил на связь под кодовым номером, так что в клубе никто о нём ничего не знал?

– Помню. А он что, решил рассекретиться?

– Нет, – пытался я держаться зыбкого курса на примирение, – думаю, что с ним что-то случилось. Он не выходит на связь с прошлой пятницы, и все мои послания пока остались без ответа.

– Ну и...

– Ну и жалко, он хорошо играл...

– Ты, кстати, там работаешь или играешь в свои шахматы? – Адель упорствовала, безответственно играя с наполненной электричеством атмосферой...

– Играю в мои шахматы, – окончательно разозлился я и бросил трубку. Краем глаза заметив, как подбегал к ней наш маленький сын и с жаром что-то сообщал. Теперь-то я знал, что это была очень важная новость¹. Но рука вовремя остановиться не смогла, опустилась, надавив кнопку.

Я сидел перед погасшим экраном и перегревшимся чайником выпускал пар, думая, отчего же тело отстаёт от мозга, откуда в нём берётся эта самостоятельность или, наоборот, инертность. Адель в эту секунду гладила малыша по голове и дипломатично поясняла, что папа повесил трубку потому, что у него много дел...

После этого нашего разговора, который не длился, пожалуй, и двух минут, день закип. Свернулся, как молоко. Зато с него и начались-таки приключения...

---

¹ О которой читатель узнает в следующей главе.

Воспоминание пятнышком вилоь вокруг электрической розетки. Я вздохнул и попытался перевести взгляд в иное место, перевалился на другой бок. Но с другой стороны было не лучше: там тонким параллелограммом выделялся контур герметичной двери с очень неприятным, как напоминание об ушедшей в прошлое свободе, глазком зрителя. Здесь, в этих белесых, словно грязный пластик, стенах камеры приключения мои, кажется, заканчивались. Оставались одиночество настоящего и сумбурные мысли о прошлом и будущем...

Кстати, в будущем меня, конечно, отпустят. Зачем я им нужен. Вероятно, будет настоящий судебный процесс. И на нем все будет не так глупо, как в увиденном бреду. Латыни, например, не будет, а материалы дела, наоборот, – будут готовы. В случае затруднений я смогу молчать, оставив за собой право выступить в прениях; право мне это будет дано кивком головы председателя, и я буду спокойно сидеть на неудобной скамейке зала заседания за спиной подзащитного в ожидании прокурорского выступления. Но пока до процесса далековато, пока вокруг штукатурка стен камеры, дверь и одиночество... И мелкие крохи воспоминаний, оставшиеся от приключений.

От приключений ли? Ведь это лишь одно из возможных определений прожитым дням. Другое не менее подходящее – банальнейшая нервотрёпка и сплошное беспокойство, в которых непонятно, как оказался. До этой истории я преспокойно жил в привычном мире, где перпендикулярные линии были перпендикулярными, а две параллельные прямые никогда не пересекались; и неожиданно попал в совсем иной мир, в котором все стало вдруг не только пересекаться, как у неевклидовых математиков, но и перекрещиваться, перекручиваться, переплетаться.

И тем не менее, даже находясь в районе пересечения 48° , $50'$ и $2''$ северной широты и 2° , $20'$ и $23''$ восточной долготы, из двух определений хотелось выбрать первое – приключения. Фантастические, беспокойные приключения адвоката в четвёртом измерении. И, как ни крути, а лейтмотив этой авантюры, превратившейся в материалы уголовного дела, был очевидным – простая миниатюрная человеческая ошибка...

Глава 2

Загадочное письмо

Si vis pacem, para pacem. Живём мы в месте, к интригам и авантюрам не подготовленном. А именно, в небольшом спокойном городке недалеко от Парижа. А лучше сказать – в спокойной и уютной, как небольшая квартирка с нелепыми обоями в горошек, деревне, где все повороты улиц и лица соседей знакомы лучше, чем содержание собственного платяного шкафа, и где первая половина дня струится между бесконечными, но приятными пожеланиями доброго утра, а вторая – такими же бесконечными пожеланиями доброго вечера.

Дом наш стоит последним, на опушке леса. Не на краю банальных насаждений (тыр-пыр десять дыр и восемь пней), а настоящего дикого тёмного леса глубиной в десятки и десятки километров, с тропинками, как в старой сказке, настоящими лесными зверями и птицами, грибами осенью и, наконец, своим особенным характером, дурные стороны которого дают о себе знать в зимнюю пору.

Здесь у нас при открытых окнах можно слышать по утрам лай собак и хриплый петушинный крик (это в Европе-то! Это в наше время-то!). Начиная с весны, по вечерам над городом стелется аппетитный дымок мангалов. Зимой – тёплый печной запах дров.

Тем не менее в нашем городке есть всё необходимое. Церковь, небольшая группа местных клошаров, публичный парк, где в траве целуются влюблённые, по аллеям фланируют собаки, таща за собой хозяев, а голуби клюют крошки; напротив парка, на мощёной площади, есть карусель и карусельщик; а ещё на водостоках домов можно видеть очень милые подвесные цветочные горшочки, поближе к железнодорожной станции – берёзки, а на самой станции – заброшенный старый товарный вагон, в котором пацаны играют в войнушку.

Всего и не перечесть...

Зачем-то периодически мы бросаем это милое, не подготовленное к приключениям место. Бросаем его с подозрительным облегчением – и дом, и лес, и соседей вперемешку – как мешок с плеч, меняем на время каникул на неизвестность. Уезжаем далеко-далеко, как можно дальше. Как будто расстояние – наркотик, доза которого с каждым разом должна вырастать, потому что его употребление каждый раз оставляет следы неудовлетворённости. Далеко и не важно куда. Лишь бы удовлетворить душу, которой, за неимением настоящих приключений, нужна перемена мест, смена ситуации... Что-нибудь, что в корне меняло бы надоевшие подвесные горшочки и старый вагон на что-нибудь другое...

Неделей назад Адель укатила с сыном в заброшенный мир, найденный в каталоге маргинальной турфирмы, а я остался один на недельку или чуть больше, как получится. Не потому что я адвокат и у меня всегда куча срочной работы, или что-то вроде этого, как обычно бывает у адвокатов. Я остался, потому что на меня действительно вдруг обрушилось множество неотложных дел...

Отдыхом от работы и одиночества мне служили шахматы...

– Уезжать полезно, перемена обстановки – наилучший отдых... – уверенно защищал я, провожая семью в чёрную Африку, позиции остающегося в Европе холостяка, несмотря на некоторое неудобство, связанное с нелепым аргументом.

– Ты скоро приедешь... – то ли спрашивала, то ли наказывала она в ответ.

Мы стояли на лужайке прямо посреди микроскопических хрустальных осколков выпавшей после прохладной ночи росы. За лёгким летним свитером Адель заострёнными верхушками топорщились два мягких и упругих кончика её славной груди. Мы стояли так близко друг к другу, что я невольно касался их, обречённый на невольное наслаждение. Стояли и обнима-

лись, и было заметно, как ей хочется помедлить и даже отложить отъезд на день. Её взгляд ласкал меня чуть дольше обычного, маленькая рука то поглаживала, то тискала футболку, как будто хотела удостовериться, что я есть и буду... А я тайком – и самым что ни на есть эгоистическим образом – отмечал, что мог бы расставаться с ней так каждый день только ради этих её опечаленных глаз и этой ищущей меня маленькой руки. По моей спине бегали приятные мурашки. В то время как вокруг сломя голову кругами носился неугомонный Тимур, которому страшно не терпелось поскорее сесть в такси, прижать нос к стеклу окна и отдаться волшебству дороги. Наши вялые замечания эффекта не имели. Общеизвестно, что по закону физики потенциальная энергия переходит в кинетическую. Потенциальная энергия сына, не находя другого выхода, не давала покою нам.

И я пообещал приехать попозже – дней через семь-восемь.

И в итоге остался один, поливать цветы, кормить рыбок, а также, согласно негативной формулировке Адель, «отдыхать от нас и, как он утверждает, работать», в которой «он» – это я, а «нас» – они.

Целую неделю я просидел дома и в противовес вышеуказанной формуле жены действительно разгребал завал дел, изредка выезжая в город для консультаций в бюро, а также, когда нужно было просмотреть и сопоставить тексты одновременно несколько старых изданий, в библиотеку Дворца Правосудия, отведённую для адвокатов и судей. Выезжать в Париж не нравилось. Народу в городе и коллег в суде было отвратительно мало. В пустых залах библиотеки и средневековых высокосводных кулуарах дворца звонко звучали шаги, путаясь с эхом и напоминая о ждущей дома пустоте.

Шестым днём моего временного одиночества была пятница – последний день официальной рабочей недели. Перед тем как Адель позвонила, я уже попытался кое-как начать день.

То есть, как обычно, начал его с некоторой доли безделья.

Не открывая кодексов и даже не переодевшись, я подключился к шахматному клубу в надежде встретиться с моим обычным напарником, которого я почему-то предпочитал всем остальным игрокам.

Ещё несколько месяцев назад между нами почти сразу же, с первой встречи, возникло что-то в роде негласного взаимопонимания, сродни родству душ. Я был уверен, этот тип относился к той породе странных людей, для которых сваренный на огне костра суп должен быть в полтора раза вкуснее, чем суррогат из пакетика, подогретый в микроволновой печи. И я даже не пытался дать хоть какое-то маломальское объяснение своим позитивным ощущениям в отношении него. Они базировались исключительно на игре. Интуитивная и расчётливая одновременно, она обычно отталкивалась от каких-то по-детски нестандартных, судорожных начал, словно он не умел играть или давал фору, и завершалась серией мощных и тонких комбинаций. В её развитии чувствовался поиск, вдохновение и хореография. Не говоря о том, что мой таинственный партнёр умел проигрывать... Коротко говоря, наши партии мне нравились, и этого было вполне достаточной причиной для встреч...

Я очень надеялся найти наконец его на месте: неделей назад, тоже в пятницу, его в клубе не оказалось, и мне пришлось сыграть две безвкусные, как проглоченный второпях обед, партии – проиграть и выиграть – с другим неизвестным мне шахматистом. В принципе, отсутствию виртуального приятеля я не придавал никакого особенного значения. Мало ли что?

Но и на этот раз на месте его опять не было; и не было оставлено ни одного, даже предельно короткого сообщения. Так что такое исчезновение мне начало казаться очень странным и чуть ли не подозрительным. Ведь выйти в клуб он мог практически из любого уголка земного шара. Достаточно было пошевелить пальцами и надавить пару кнопок на клавиатуре. Это же, в конце концов, не концерт для фортепьяно с оркестром ре-бемоль. Для этого вполне достаточно одного желания, то есть, как говорят юристы, свободного волеизъявления... Ну и физического здоровья, конечно...

После неудачной попытки сыграть в шахматы, а также после перебранки с Адель, поставившей жирную кляксу на хорошем настроении, день, покрытый вуалькой недовольства, прошёл за работой, в незаметно изматывающей кропотливости. Так незаметно, что я и не осознал, как перешёл черту и, словно Алиса, попал в другой мир. В страну приключений.

Точка, за которой возврат стал невозможен, была достигнута вечером.

Я лежал на кровати, разбросавшись по-холостячки в самом центре, и поглядывал, силясь ни о чём не думать, на установленный в ногах аквариум с порученными мне рыбками, магическое действие которых на психику несравнимо ни с чем: достаточно посмотреть на гипнотизирующий живой букет, и всё потихоньку стирается – напряжение, головная боль... Старался не думать ни о договорах, ни о заявлениях в суд, ни о консультациях. Но когда мне, наконец, удавалось не думать о юриспруденции, в голову мелкими и многочисленными тараканами лезли другие мысли. Я то продолжал ссориться с Адель, ища и даже находя аргументы, то думал о поломанной неделю назад ограде, а то вдруг снова возвращался к статье Л. 1645 —17 Коммерческого кодекса.

Борьба с остаточными явлениями интеллектуального труда – тоже в чем-то интеллектуальный труд и, в сумме, штука нелёгкая.

Рыбки беспрерывно, будто странные живые цветы, передвигались. Мне иногда кажется, что это какие-нибудь тропические чёрт-их-знает-какие-алии, с огромными мягкими лепестками живых бутонов. Они то съживались, то расправлялись, и вдруг исчезали в преломляющих поворотах стекла аквариума, затем так же неожиданно, почти как по волшебству, появлялись и снова порхали в слегка затуманенной и зыбкой, как утренний воздух, воде. Титюс, тёмная, почти чёрная рыба с выпуклыми глазами поражённого базедовой болезнью, начала переворачиваться брюшком вверх.

«Засыпает», – отметил я про себя поведение животного и вспомнил старую историю о том, как, увидев его как-то вечером впервые в таком состоянии, решил, что тот подыхает и срочно изолировал от других рыб в какую-то впопыхах обнаруженную старую металличе-

скую кастрюлю. Утром циркач преспокойно плавал как ни в чём не бывало как все нормальные рыбы, животом вниз. Увидев его в кастрюле, Адель мне, естественно, не поверила и даже с некоторой долей подозрения спросила – не пил ли я вечером коньяку. А через некоторое время убедилась сама.

Засыпающий Титюс², лениво пытающийся маневрировать кверху брюхом, вместо того, чтобы успокоить, в этот раз вернул меня снова к мысли о таинственном шахматисте. Каким таким образом и через какие такие ассоциации, но в голове сначала потихоньку крутилось и переваливалось какой-то бесформенной массой, долго и тяжело, как мокрый песок: Титюс – здоровье – было бы здоровье – Титюс Л. 1645—17 – волеизъявление – молчание; потом всё вдруг, наконец, перевернулось и сформировалось: мой приятель-шахматист волю изъявить не может! Стало муторно.

Без особенной цели или умысла я встал. Посидел на кровати, как Бумбараш. Потом, справедливо решив, что всё равно не усну, набросил халат и, включив компьютер, зашлёпал в комнату, служившую мне рабочим кабинетом, посмотреть, не пришли ли новые э-сообщения. Надо было чем-то заняться. «Если ничего толкового не обнаружится, – решил я, – смогу поиграть в электронную игрушку, чтобы потом, как следует уморившись, снова лечь и уснуть по-настоящему».

В полной темноте к кабинету меня уверенно вели отработанные за годы коридорные рефлексy, скрип паркетных половиц и набухший от искусственного компьютерного света воздух, выпирающий непослушной полоской из-под двери. Достигнув цели и отворив дверь, я, вместо того, чтобы выпустить свет на волю, сам попал в его ослепительную власть. Он неровно выливался из повисшего на уровне стола экрана, обрызгивал комнату то там, то сям, по привычному³ анти-архитектурному плану, менял её пропорции. Стены выпятились и трепетали синеватым оттенком, какой бывает в старой телевизионной сказке для малышей, углы наоборот углубились. Тень стула неряшливо перерезала толстый ковёр на две неравные половинки. Книжный шкаф низко плыл тёмным облаком.

Я сел за стол и открыл семейный электронный ящик. За прошедшие три часа там уже светилось три окошечка – три письма. Первое пришло из Африки, видео-открытка от Адель и Тимура. Судя по улыбкам и солнцу, у них всё было в порядке; Адель называла меня зайчиком и «Дими», и, говоря, что скучает, посылала мне воздушный поцелуй; из этого прямо следовало, что я был амнистирован и – что гораздо существеннее и глубже – был почти прощён. Малыш Тимур держал в руках большой плакат, на котором было неровно начертано, что этот плакат – постскриптум нашей несостоявшейся телефонной беседы... (узнал новое слово!) Постскриптум сообщал, что большие птицы, которых он ни разу ещё в жизни не видел, дрались из-за хлебных крошек, которыми он их угощал.

Второе окошечко оказалось ночной эротической рекламой. Вероятно, информация об отъезде одного члена семьи обрабатывалась рекламодателями со скоростью света; их расчёт строился на соблазнах, рождённых одиночеством. Однако меня ждало третье письмо...

В третьем же окошечке оказался сюрприз. А именно, обнаружил я в нем короткое сообщение на языке, который, как казалось, был польским. Во всяком случае – несмотря на латинский шрифт – славянским, поскольку смысл кое-каких слов я сразу уловил. А когда загрузил текст в переводчик, то через некоторое время получил следующую французскую версию:

«Уважаемый господин Р. Ко-off. Мне необходимо с вами встретиться. Закажите на 15 число место на одну персону за столиком №5 в бистро „Элефантен“. Буду Вас ждать с 16 до 18 часов. Надеюсь, до встречи. Томас».

² Такой циркач на воле должен был непременно жить в водорослях с затейливым названием *laminaria digitata*.

³ Мне приходится частенько сидеть ночью, когда весь дом сладко спит.

Я не знал ни Томаса, ни кафе «Элефантен». И ни с кем ни о чём не договаривался. Кто-то перепутал адрес? Или, может, спам? Такие предположения мог выдвинуть только человек, живущий в спокойном евклидовом мире и не ведающий, что окружающая его среда стала совершенно иной... Приключенческой!

Глава 3

У входа в виртуальную мышеловку

На следующий день, в субботу, загадочное вечернее письмо дало мне возможность побездельничать иначе, как бесполезной игрой в шахматы. Я решил поискать кафе «Элефантен» в справочнике.

Следуя простейшему варианту, я посмотрел сразу во Франции; кафе не оказалось. В Польше – тоже не было. Помедлив, я открыл немецкую страничку и сразу же напал на искомое. От неожиданности и простоты решения я даже несколько разочаровался. Открыл файл и начал внимательно оглядывать интерьер загадочного заведения, организованный в стиле ретро.

Играла тихая музыка, трёхмерное изображение слонёнка с улыбкой под коротким хоботком предлагало просмотреть меню. Я увидел столик №5, укрывшийся в правом от входной двери углу. Кое-как двигая мышку, связывающую меня, согласно кибернетическим законам, с несуществующим пространством кафе, подошёл. Слонёнок оказался тут как тут, приглашающе передвинул стул, смахнул тряпочкой невидимые электронные крошки с матовой скатерти, положил меню передо мной...

Ресторан мне понравился. Но заказывать столик в каком бы то ни было ресторане, даже в самом замечательном, в мои планы не входило. И делать этого я, соответственно, не стал. Но любопытство брало своё. Записав адрес, я решил поискать другой сайт, под таким же именем в других странах Европы.

Поиски оказались безуспешными. Единственный «Элефантен» обнаружился в Эстонии. Но в нём столика под нужным номером не оказалось. Там вообще номеров не было.

Я размышлял. Путешествие в Германию займёт, учитывая дорожное утомление, день или полтора – что есть значительная потеря времени. Годы, когда я любил, лёжа на верхней полке купе, наблюдать за проползающими мимо мокрыми от дождя вокзалами, давно канули в лету: поезда не те, вокзалы не те, люди не те, да и я уже тоже не тот...

С другой стороны, разбазаривание времени порой даёт неожиданные результаты. Помню как-то раз, накануне очень важного судебного заседания, весь день провёл чрезвычайно непрофессионально – писал стихи. Причём, возможно, сомнительного качества. Тем не менее завтра процесс выиграл.

И всё-таки Берлин – не стихи. Принимая в расчёт, что я отказался от большей части каникул с семьёй специально, чтобы завершить работу над международным договором, который обсуждался уже несколько недель, перспектива поездки на другой конец Европы казалась не просто глупой, она была вызовом здравому смыслу. Не говоря уже о том, что я не был знаком ни с каким Томасом, и что связь, которую установил со мной этот субъект, трудно было назвать двусторонними, равноправными отношениями.

А вдруг это приглашение было розыгрышем или ещё чем-нибудь в этом роде. Или какой-нибудь ловушкой, смысл которой пока ещё ускользал от меня. И потом, как можно было объяснить такую странную поездку жене? Этот вопрос тоже стоял красной галочкой на повестке дня. Отогнать его от себя, как назойливую муху, было невозможно; более того приблизительный ответ на него был уже заранее известен – совершенно естественный семейный скандал...

У каждого есть своё средство против неподдающихся разрешению головоломок. У Эйнштейна, говорят, была скрипка. Он брал её в руки, когда знаменитая Теория Относительности вставала ему поперёк горла. Моим средством было приготовление и выпивание турецкого кофе. Я встал и пошёл на кухню позавтракать.

Вода закипала невероятно медленно. Став её заложником на несколько бесконечно тянувшихся, как змеистые столбики мелких пузырьков, секунд, я неотвратно, ещё и ещё, мысленно возвращаться к обстоятельствам последних нескольких дней. Чем дольше я думал о таинственном приглашении встретиться, тем больше мне хотелось связать его с молчанием моего шахматного партнёра. Разумеется, без единого чётко выраженного разумного основания. Интуитивно. Это была какая-то странная уверенность, не поддающаяся точному определению или анализу: меня, как больного, и несмотря ни на какие противопоказания, тянуло ехать, чтобы реально уже связать эти два события. Поступок абсолютно бессмысленный и нелогичный. Но попробуйте детально, психоаналитически разложить акт пинка, которым вы отправляете подальше оказавшийся в поле вашего внимания мирно застывший в углублении асфальта школьной площадки детский мячик, неважно куда, просто подальше, в другую асфальтовую дыру, например. Невозможно! В вас просто вдруг возникло желание, несмотря ни на что и вопреки всему и, особенно, вопреки здравому смыслу.

В девятнадцатом веке скромный писатель-беллетрист написал бы, что всё было против того, чтобы главный герой ехал в город «Н», но несмотря ни на что...

Вода закипела. Влив её в любимую медную кофеварку с кривой ручкой, я вернулся в кабинет и, оставив кофе настаиваться, зачем-то снова открыл сайт любопытного бистро, где меня встретило примерное повторение уже виденной сцены. Заказывать ли столик? Отдаваться неоформленным желаниям без борьбы не хотелось. Кроме того пора было приниматься за работу, ведь клиенты ждать не любят... Оставив в стороне гамлетовские вопросы – Берлин или не Берлин, ехать или не ехать – быстрым и решительным движением я убрал с экрана ресторанный зал и открыл договорное право.

Возвращаться к ресторанной загадке я не стал даже вечером: после кропотливой работы над мучившим меня творческой куцостью договором поставки, заказанным нудным клиентом, хотелось коньяку и пустоты. Всё само собой решилось утром, во время обыкновенного полупочаса безделья. Как кто-то сказал: от судьбы не увернуться, а если увернулся – значит, не судьба.

Всё вышло просто, в три движения. Моего шахматиста в клубе не было, а с другими играть не хотелось. Раз. Тогда я подключился к компьютеру Тимура, чтобы покататься на его гоночных машинах, но через минуту был остановлен бдительной полицией и лишён водительских прав. Два. (Дело было не в нарушении правил, а в том, что сынок творчески подходил к блокировке своих электронных игр. Придирчивая полиция – было творение именно его мозга и рук.) Мне ничего не оставалось, как посетить «Элефантен». Три.

То же изображение слонёнка на входе, тот же интерьер. Я приблизился к бару, за которым находился уже другой слонёнок, похожий на первого («Семейное предприятие», – подумал я.), и на этот раз поставил галочку в бланке бронирования столика.

– Благодарю вас, – отреагировал на жест серый носатый бармен. – Прошу подождать, очень скоро Вы получите подтверждение заказа.

Однако после нескольких секунд журчания внутри компьютера пришёл отрицательный ответ: на запрашиваемые мной дату и время столик был занят.

Не успел я удивиться, а тем более сообразить, стоит ли удовлетвориться или огорчиться, как последовало продолжение.

– Сожалеем. В вашем распоряжении столики № такие-то и такие-то, – в театральной смущении поднимал и опускал покатые плечи и шевелил хоботом и ушами бармен. – Однако, – на его лице засветилась радужная мультипликационная улыбка, – мы отмечаем присутствие Ваших имени и фамилии в списке приглашённых. Для завершения формальностей мы нижайше просим Вас предоставить нам ваш адрес и приложить к светящейся точке на экране большой палец правой руки.

Заворожённый таким оборотом дела, я, как по военной команде, предоставил и приложил что и куда требовалось и тут же получил подтверждение заказа: в моём распоряжении был

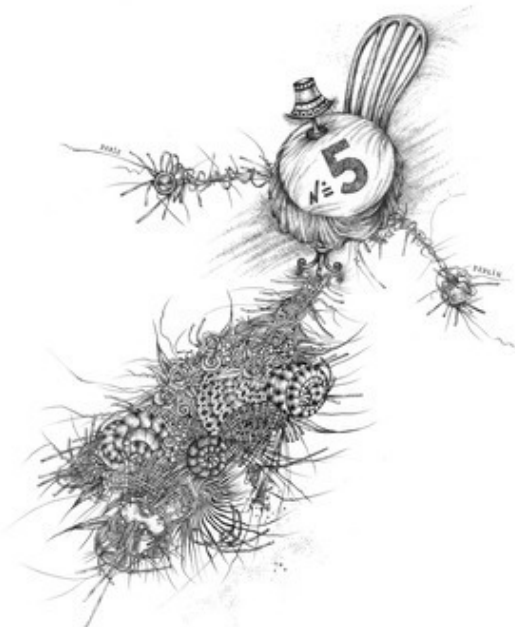
стол и любые на выбор блюда, оплачиваемые приглашающим. Это означало, что никакой ошибки не было, и таинственный Томас действительно ждал именно меня.

А ещё это означало, что мною манипулировали. По крайней мере, именно такое ощущение оставалось у меня от только что совершенного виртуального путешествия в «Элефантен». И я задумался над двумя выражениями: «водить за нос» и другим, «бесплатный сыр», которые странным образом подпадали под ситуацию.

Но думал я не долго. Меня быстро посетила отличная идея! Чпок, – и я решил забронировать на то же время и ту же дату другой, по возможности смежный столик. Это было так просто – не сложнее детской разработки в песочнице – но так действенно: Томас, зная, что я приеду, сядет на заказанное место, в то время как я, расположившись рядом инкогнито, смогу незаметно понаблюдать за ним.

Я потирал руки.

Однако зачем стоило наблюдать за этим Томасом, объяснить я ещё не мог. Принятое решение строилось на внутреннем убеждении, сформировавшемся слишком быстро, чтобы быть плодом чистого разума. На первых порах хотелось просто отказаться от бесплатного сыра, обезопаситься, избежать возможных глупых насмешек в свой адрес. А дальше как получится.

В общем, так я и сделал. Выбрал подходящий столик, за которым смог бы видеть Томаса в лицо, где бы тот не находился. Сделал заказ. И тут же – может ещё до того как нажать клавишу ввода команды – почувствовал, как столбиком термометра поползло вверх знакомое напряжение игрока, взвинченное, наподобие тугий пружины.

Глава 3,14

Берлин оказывается не мышеловкой

Виртуальное путешествие самым естественным образом дополняется реальным. Утром 15-ого числа я стоял на крыльце дома, меланхолично разглядывая окрестности. Лес радостно и как будто беззаботно махал мне на прощание ветвями деревьев. В результате возникал ветер, который трепал мне волосы.

Через сорок две минуты я уже выпутывался из паутины кулуаров и переходов метро у старого парижского вокзала Гар-де-Лэст. А еще через полчаса, запыхавшийся и недовольный, сидел в поезде, отходящем в плавном покачивании с заполненными провожающими, чемоданами и обычной вокзальной грязью перрона. Под гипнотизирующие подмигивание светового сигнала «пристегните ремни» мысленно загибал пальцы: цветы политы, рыбки поголодают один денёк – им будет на пользу...

Механическая гусеница выползла из лона Парижа и набрала крейсерскую скорость. За окнами все замелькало и куда-то понеслось. Я достал телефон и с любопытством взглянул на табло: стрелочка дергалась между 440 и 500 км/час. Не удивительно, что через два с небольшим часа я уже подъезжал к величественному и строгому Берлину.

Не желая усложнять себе жизнь в чужом городе, я снял номер в гостинице в пяти минутах от вокзала. Бросил в нём вещи и вышел побродить в столицу немецкой республики.

Около трёх часов взял курс на кафе.

Адвокатская деятельность – хочешь не хочешь – приучает к пунктуальности. Опаздывать не хотелось по привычке. И, кроме того, очень хотелось есть. Тем не менее больше всего я думал не об ожидавшем меня меню и даже не о встрече, назначенной Томасом, к которой у меня было двойственное отношение человека, может быть и заинтересованного заинтересованностью любопытного, но используемого всё же без его ведома. Почему-то больше всего не терпелось сравнить компьютерное изображение кафе, в котором я фиктивно бродил, с его реальным выражением, услышать музыку, и особенно, увидеть, на что похож их настоящий слонёнок.

Согласно указаниям электронного справочника, я должен был ехать в сторону Бранденбургских ворот, от них свернуть на не помню какую штрассе, где присутствие памятника Гёте в небольшом сквере неподалёку должно было мне прямо помочь с розысками, поскольку бронзовое изваяние должно было смотреть в нужном направлении.

Указания оказались точными. Лишённый рук бюст великого, не прочитанного мной поэта с надеждой разглядывал сгруппированные около элегантных дверей столики...

Ровно в 15—30 я вступил вовнутрь «Элефантена». Смутное чувство «дежавю» ёрзало, как свежешушенный шерстяной шарф, в области затылка, вызывая колкие мурашки: стены, меблировка, декорация были слеплены по увиденному в компьютере примеру. Играл тихий спокойный джаз, так идущий интерьеру ретро. Слоников не было (увы). Зато – блеск и роскошь – присутствовали снующие туда-сюда официанты, страшный раритет по нашим технологически развитым временам. В этот час кафе было заполнено, и я быстро нашёл два притихших среди общего гула столика – «пятый» и тот, что я заказал лично для себя. Они обозначались белизной скатертей и явной строгостью застывших около приготовленных приборов бивней салфеток.

Я был на месте. Оставалось только ждать да смотреть в оба. И, заказав легкого чешского пива с тарелкой морепродуктов, я приготовился к охоте.

К слову сказать, охотником я оказался никудышным. Вместо того чтобы ждать спокойно, я нервничал, судорожно поглядывая поочерёдно то на входную дверь, то на вызывающе пустую

ющий столик под интригующим номером, то на часы. В 16—00 мной овладел настоящий тихий психоз. Томаса не было! «Приехать в Берлин, чтобы выпить кружечку пива и покушать креветок – вот так каприз!» – ругал я собственную глупость. Податься на такую выходку и потерять целый день. По мере того как бежали минуты, пиво и морепродукты стремительно теряли во вкусе. Настроение падало. Несмотря на голод, ел я уже без аппетита...

– Добрый день и приятного аппетита, – голос послышался откуда-то сверху, заставляя поднять взгляд на дерзкого человека, осмелившегося противоречить вкусовым рецепторам моего недовольного организма. – Честное слово, мэтр, безумно рад вас видеть, – продолжал стоявший передо мной молодой мужчина, в то время как в голове постепенно оформлялся приблизительный отчёт происходящего: этот неожиданно появившийся тип был не служащим компьютерной пивной, а, вероятно, тем самым загадочным Томасом, благодаря приглашению которого я оказался здесь.

Я молчал, оглядывая улыбающегося пришельца и ожидая продолжения. Тот, ничего больше не сказав, самовольно устроился напротив. Тут же обеими руками овладел ближайшей салфеткой, посмотрел на меня, не зная, куда девать свою смущённую, вздрагивающую в уголках рта улыбку; оглядел зал, снова взглянул в мою сторону...

– Георги Дамус, – с серьёзным видом наконец представился он, – ваш шахматный партнёр. Это я вам написал и пригласил сюда... Вам нравится? – зачем-то добавил он после недолгой паузы. – Неплохое заведение, а?..

Последние слова как будто стёрли его серьёзный вид. Щеки на его лице опять расползлись в стороны, потянув за собой ленточки губ.

Махинатор, который, как видно, предвидел мою гениальную затею с заказом места за другим столом и с лёгкостью её обыграл, оказался тонкого типа человеком, с зеленоватым от полного отсутствия притока свежей крови лицом и бритым наголо белым черепом (череп, вероятно, кровью подпитывался); в овальных, с тонкой оправой очках и, за исключением выдающегося горбатого носа, правильными чертами лица. Выглядел он гулякой и человеком несерьёзным. Одет был просто: футболка-шорты-мокасины. Все потертое и выцветшее. Его возраст? Мне казалось, что Томас-он-же-Георги был чуть старше меня. Хотя, может быть, я ошибался, поскольку никогда не умел угадывать возраст людей, даже примерно. Малоизвестные лица мне часто представлялись старше. Это был синдром неизвестности... А от этого лысого Томаса, неожиданно обернувшийся Георги Дамусом, который, во-первых, так быстро раскрыл мою ловушку, а во-вторых, совершенно на неё не обиделся, как ни от кого другого веяло неизвестным и таинственным, огромным знаком «X». Его незапланированное появление совершенно выбило меня из колеи.

Чувствуя себя в преглупейшей ситуации, я помалкивал. То ли в ожидании хоть какого-то ответа с моей стороны, то ли не зная, как продолжить знакомство, незнакомец тоже хранил неловкое молчание.

– Как вы узнали мой адрес? – спросил я через неопределённое время, справедливо решив, что сидеть истуканом было глупо. Тем более что после первых неприятных ощущений, оказалось, что появлению Георги я был все же рад. Он возвращал моей поездке чуть было не утерянную цель. Капризом Берлин все-таки не был...

– Ваш адрес можно легко найти по справочнику, – неохотно признался зеленоватый человек. И быстро добавил: – Я Вас понимаю, уважаемый г-н Р. Ко-off. Вёл я себя с вами не очень корректно. Зачем-то выдумал псевдоним, вытаскивал на конспиративную встречу за тридевять земель, заставил ждать и волноваться... Хотя сам сидел у вас за спиной, вот за тем столиком (он мотнул подбородком куда-то мне за спину) ... Но обстоятельства вынудили меня быть крайне осторожным с контактами. Я не хотел оставлять раньше времени лишних следов и должен был убедиться, что вы придете один... Даже сейчас, может быть, я рискую... – здесь он замолчал, задумался, а затем ни с того ни с сего, как-то по-другому, словно бы разорвал свой монолог

на половинки, продолжил. – Послушайте, может, перейдём за столик, который я заказал для нашей встречи? Не подумайте чего-то такого. Что я хочу, например, заманить вас в ловушку. Я просто не уверен, что здесь места свободны. Может быть, кто-то уже забронировал, а там, за пятым, – он махнул рукой в другую сторону – мы можем рассесться как нам будет угодно. Я взял его целиком.

– Что ж, спросите у официанта, – пожал я плечами. – Если здесь занято, можно перейти и к вам. Я не против... Чем же Вы, собственно, рискуете?

– Этого-то я и не знаю! – животрепещущая тема заставила его тут же забыть о только что намечаемой перемене места, и он заговорил по-профессорски, примешивая в лексикон научную терминологию. – Представляете, я даже не знаю, чем я именно рискую. Гипотетически, разброс в силе риска, которому я подвергаюсь, велик... Надеюсь, всё же, что моя жизнь на карту не поставлена, хотя и это не исключено.

Он импульсивно отложил салфетку, в том же режиме сдёрнул с переносицы очки и начал пристально исследовать изменившимися вдруг свою форму и даже цвет глазами внутреннюю поверхность выпуклых стёкол.

– Сказать по правде, – наконец взглянул он в мою сторону, – алгебраическое выражение ленты Мёбиуса, – он помотал в воздухе свободным от держания очков тонким пальцем, описывая восьмёрку, – просто элементарная арифметика по сравнению с тем, в какой сложной конфигурации положении я сейчас нахожусь. Я нуждаюсь в срочной помощи...

– Не будем преувеличивать, – в моем голосе зазвучали адвокатские нотки. – Раз уж вы нуждаетесь в помощи юриста, давайте поконкретнее. Мне придётся, несмотря на вашу осторожность в контактах, задать вам немало вопросов, а вам – постараться с точными ответами. И, что самое главное, после всей этой предварительной анкеты вполне возможно я буду вынужден отказать вам в помощи из-за простого несоответствия ваших проблем моему профилю. – Кстати, первый вопрос – не из любопытства – почему ваш выбор пал на меня? И не говорите, что я единственный и неповторимый...

– Потому что вы и есть единственный адвокат, с которым я был и остаюсь знаком! – заявил Дамус, клятвенно вознеся над обеденным столом тонкую ладонь. – И, судя по нашим партиям, – именно неповторимый...

– *Intuitu personae?* – хмыкнул я.

Он не ответил, скорее всего, не расслышав. Полез в боковой карман шорт и извлёк из него миниатюрную безделушку, похожую на компьютерный диск. Повертев его в руках, положил перед собой и, возбуждённо покосив взглядом туда-сюда по сторонам, зашептал:

– На этом диске присутствуют ответы на все ваши вопросы, – он тихонько подвинул его в мою сторону. Диск упёрся в мой недовольно звякнувший стакан.

Возможно ли дать ответ на ещё не поставленный вопрос?! Разумеется, нет. И я был категорически против такой логики шиворот-навыворот. Зачем мне ответы на какие-то ненужные мне вопросы? Вспомнилось, что противостояние людей иногда оборачивается борьбой принадлежащих им предметов. Между мной и фальшивым Томасом происходило что-то вроде этого. И стакан, стало быть, был на моей стороне.

– А если наш контакт не состоится? Я имею в виду, если я не возьмусь за дело... – выдвинул я аргумент упрямого террориста с переговорщиком.

Дамус выразительно поморщился: его брови задвигались, плечи и очки тоже; показался кончик языка.

«Клоун», – обозвал его я про себя. Не любит, когда расчёты не оправдываются. Ну что ж, пусть пеняет на себя...

– Другого выхода сейчас у меня всё равно нет, – между тем парировал собеседник, пытаюсь привести в порядок выдавшее его лицо. – Если наш с вами контакт не получится, уничтожьте диск и забудьте об этой встрече.

– Вы ничего не заказываете? – примирительно поднял я стакан, освобождая дорогу маленькому предмету.

Глава 4

Я узнаю про машину времени

Георги Дамус рассеяно поискал и нажал кнопку вызова официанта.

– Мы, стало быть, остаемся здесь, за вашим столиком?.. – неуверенно предположил он. Я развёл руками, подтверждая очевидность и празднуя свою маленькую победу.

– Однако, прошу вас, за мой счёт, пожалуйста. Приглашаю всё же я, – возразил несчастный махинатор.

Мне ничего не оставалось, как опять развести руками. Дамус выглядел столь расстроенным, что мне даже пришлось взять на себя инициативу беседы:

– Скажите, зачем нужны были все эти тайны. Польский язык. Вы ведь прекрасно говорите по-французски, – я взял в руки лежащий между нами диск и слегка покрутил им в воздухе, словно тот мог служить неопровержимым доказательством туманности дамусовского поступка, – зачем, в конце концов, вам понадобилась эта встреча в Берлине, когда всё могло быть прекрасным образом улажено по электронной почте или по видео-связи, во всяком случае, без ненужных путешествий.

– Встреча была необходима, и я страшно рад, что вы приехали! – подхватил Дамус предложение о беседе. – У меня теперь есть небольшой шанс уговорить вас взяться за мой непростой вопрос. Если бы вы не откликнулись на приглашение, я не знал бы что и делать. Приехать к вам у меня бы не вышло – за мной следят. А посетить Берлинский ресторан я ещё могу...

– Следить? Это же просто смешно, – и я действительно хохотнул. – Я адвокат, шпионской деятельностью не занимаюсь. А у вас, чтобы вы не натворили, есть конституционные права, в конце концов...

– Разумеется, – кивнул он с таким нажимом, словно за этим «разумеется» должна было толпиться тысяча скверных «но».

Подошёл служащий ресторана. Прервав свои как следует не начатые объяснения и бросив взгляд в мою тарелку, словно от того, что в ней находилось, зависел его собственный обед, Георги предупредил, что остаётся здесь и быстро заказал дежурный салат «А-ля шеф», сыр и кружку немецкого пива. Меню зарегистрировали. Со словами «сию секунду, сударь» официант удалился.

– Дело в том, – задумчиво глядя вслед удаляющемуся гарсону, проговорил он, – что я долго работал над проблемой течения времени. Чуть больше года назад мне удалось – в какой то мере благодаря случаю – *merito fortunae* – вывести дифференциал, определяющий его механику. Вы понимаете, конечно, что естественным продолжением формулы стала машина времени, из-за которой мы тут с вами собственно и сидим. Во-о-о-т... – потянул он неожиданным баском на гласной, копаясь в своих мыслях и ища продолжение повествованию...

Но я перехватил инициативу:

– Затем, с помощью машины, вы заглянули в будущее. Там увидели, что я вам успешно помогаю уладить юридические проблемы, и решили обратиться ко мне в настоящем. Правильно? – театральным жестом я обеими руками зачерпнул охапку воздуха и приложил её себе к груди. При этом поймал себя на мысли, что веду себя точно так, как санитар психиатрической лечебницы, старающийся мягко устранить буйные сомнения Наполеона из палаты №6.

– Нет, – не обиделся он, – с машиной всё гораздо сложнее, чем вы думаете. Если бы всё было так просто, я лучше отправил бы себя назад, перед тем как формула нашлась, чтобы предупредить неприятности, которые она мне принесла. К сожалению, этого сделать пока невозможно. Вопрос даже не в теориях о необратимом слиянии будущего и прошлого или изменчивости прошлого в зависимости от будущего. Проблема банальна и состоит в том, что, во-

первых, я больше не владею аппаратом, во-вторых, никто сейчас не знает, как он практически функционирует, понимая под этим «как» результат переноса в будущее или прошлое.

– Как так, никто не знает, – поразился я. – Вы что, до сих пор не испытали ваш прибор?

– Испытывали и неоднократно, – мотнул он головой. – Я лично, когда ещё работал один, отправил в машине на три года вперёд укреплённый оптикой наружу и запрограммированный на самостоятельную работу фотоаппарат. Машина вернулась со снимками Земли ближайшего будущего. Вы увидите, господин Р. Ко-оф. Впечатление ужасное: бескрайняя безлюдная пустыня. Страшно смотреть... Но интересно! Причём, с одной стороны, это был безусловный успех. С другой стороны, меня смущали незначительные отклонения, присутствовавшие в хронометрических параметрах при возвращении аппарата назад. Тем не менее, понять, откуда они взялись, я не успел. Затем, очень скоро после первых опытов меня пришло военное ведомство, и мне пришлось заключить соглашение об использовании машины с военными, которые взялись за испытания. Для продолжения эксперимента была создана рабочая группа во главе со мной (я, глупец, настоял на этом условии, боялся, что иначе авторство изобретения ускользнёт от меня). Аппарат по-прежнему пересекал временное пространство, другого варианта быть не могло. Но, во-первых, даже при помощи усовершенствованного аппарата мы больше ни разу не смогли получить ни изображения Земли будущего, ни изображения Земли прошлого. И, во-вторых, при каждом опыте мы каждый раз констатировали те самые отклонения...

Дамус прервался, чтобы засунуть в рот ломоть хлеба, и через долю секунды, теперь уже сквозь смачные пережёвывания, снова заговорил:

– Понимаете, если пространство времени представить в виде океана, то – по аналогии вещей – разработка машины времени ещё недавно находилась на стадии бревна. Мы только-только поняли, почему, в результате каких сил оно не тонет в воде, и каким способом его возможно двигать вперёд-назад. До уровня начинённой электроникой субмарины ещё далековато. Но научная мысль стремится вперёд с бешеной скоростью. За какой-то год от бревна мы перешли к плоту.

– Грандиозно! – заметил я.

Мы переглянулись и вдруг расхохотались. Игра взглядов равносильна игре слов! От смеха Георги расплылся у меня в глазах. Я, наверное, – у него. И, в общем, атмосфера вдруг разрядилась и стала выглядеть несерьёзно.

А вот вещи, о которых шла речь, наоборот, – были вполне серьёзными. Спокойная манера, с которой Дамус излагал свою историю, постепенно привела меня к убеждению, что всё это было очевидной и невероятной правдой. Передо мной сидел не экстравагантный гуляка, а совершенно нормальный (хотя, конечно, не совсем нормальный) учёный-одиночка, работающий над проблемой, волнующей любителей научно-фантастических романов. Я вдруг почувствовал себя учеником на уроке физики.

– А вы не пробовали отправить аппарат на три года вперёд, как вы это сделали в самом начале? – уже без всякой иронии спросил я.

– И да, и нет. Такая идея действительно была, – он жестом похвалил меня за удачный вопрос. – Я, естественно, помнил дату моего первого путешествия во времени, примерное время. Но незадача состояла в том, что сказать точно, в какой час, минуту или, тем более, какую секунду я отправил мой фотоаппарат в будущее, я не мог. Так что повторить опыт с точностью хотя бы до минуты оказалось невозможным. Все наши попытки страдали аппроксиматичностью и, увы, оставались безрезультатными. Не говоря уж об искривлении временного пространства...

– Хорошо, всё это очень интересно, – откровенно признался я. – Я обожаю и уважаю точные науки. Но, исходя из того, что вы мне здесь изложили, мне всё же не ясно, зачем я вам нужен. Я простой адвокат и технических проблем не решаю. Не имею такой возможности.

– Дело в том, что последнее испытание аппарата оказалось вдвойне неудачным. Исчез аппарат и вместе с ним исчезли *люди*! Причём, это я говорю исчезли, – он неловко погладил свой бритый череп. – Позиция военного ведомства выражается проще – меня обвиняют в убийстве, следуя официальной терминологии – в неосторожном причинении смерти.

– М-да... – невольно протянул я, совсем не ожидая такого оборота дела, – мне очень жаль, но я не занимаюсь уголовным правом... Вам, может быть, стоит поискать хорошего специалиста в этой области, который сможет оказать вам действительно квалифицированную помощь. Я думаю, вы меня понимаете, вы ведь тоже профессионал.

– Понимаю, – кивнул он. – Но профессионализм – понятие не совсем объективное. Я тоже в принципе не занимаюсь проблемой течения времени и всё-таки вывел дифференциал и сделал машину...

– И вот к чему это всё привело, – горько и, может быть, не совсем к месту пошутил я. – Вы поймите, в наше время даже адвокатам приходится защищаться в суде с помощью других адвокатов. Настолько тонка специализация. Если на то пошло, простой студент какого-нибудь юридического факультета вам больше поможет советом, чем я.

Чувствовалось, что аргументация его не убедила. Я молчал, подыскивая новые подходы и, наконец, решил блеснуть своими зыбкими познаниями из области физической динамики:

– Вот для вас, например, не секрет, что, следуя соотношению векторов сил, санки легче тянуть по снегу, а не толкать. Но, скажите, пожалуйста, кому в обиходе нужна эта теория с её странными векторами, о которых известно только знатокам? Никому! Потому что санки лёгкие, так что проблемы как таковой не возникает. Зато, когда нужно смещать тяжёлый предмет, без тонкого, профессионального расчёта не обойтись. Ваше дело мне кажется довольно значительным камешком...

Я хотел ещё что-то сказать, чтобы уточнить мысль, но видя, как на меня смотрит Георги, мысленно махнул рукой.

– Ваш салат прибыл, – прервал я дискуссию констатацией свершающегося перед нами факта:

Обернутый в широкий белый фартук, в такой же белоснежной сорочке и пристёгнутой к шее чёрной бабочкой, ресторанный человек аккуратно устанавливал тарелки перед задумчивым Дамусом.

– Приятного аппетита, – подбодрил я своего собеседника.

– Спасибо, – слабо усмехнулся Георги.

Глава 5

Капитан Марк Каде выходит на сцену

«Ну вот, – между тем, подумал капитан Каде, который находился в этот самый момент на другом краю Европы, – кажется, и случилось!»

Кто за кем гоняется, он за этим делом или оно за ним, было неясно. Да и не важно. Главное, что они опять встретились, и что будет продолжение. Марка Каде давно терзало неясное предчувствие, что страсбургским эпизодом оно не закончится. Что они связаны одной судьбой. И вот, кажется, случилось.

Сначала, правда, все выглядело банально. Никакого возбуждающего абсурда. Вызвали в середине воскресного дня и велели ждать: такое бывало уже не раз. Коллеги, как обычно, с шумом играли в карты; некоторые погрузились в телефонные игрушки. Начальник в тихом бешенстве занимал пространство у двери своего бюро, изредка пропадая, чтобы выкурить сигарету. И в то время, как все с раздражением ждали сигнал отбоя, Каде, который всегда чувствовал себя оловянным солдатиком вне общей коробки, спокойно прохаживался по коридору вдоль окон. Кошачья походка Марка – с пятки на носок – неслышно катала его по блестящему от августовского солнца паркету Префектуры. На неподвижном лице, похожем на артефакт, застыло голографическое выражение расслабленного безразличия и насмешки. Он любил ждать. Любил наблюдать! Любил охотиться...

Около полутора часов спустя вместо отбоя в ряды бойцов-разведчиков начали просачиваться странные слухи. Якобы в Польше пропал какой-то важный тип – что-то вроде великого профессора – и для его поиска на ноги подняли не только поляков и, почему-то, их парижский отдел, а пол-Европы, включая итальянцев, флегматичных швейцарцев и практичных финнов.

Слухи были интересными, и у Каде приятно зануло в суставах. Он знал, что слухи никогда не обманывают: разветвлённая сеть товарищеских контактов внутри европейских ведомств передавала информацию со скоростью и точностью полупроводников в микросхемах последнего поколения. Официальные свифтовки их только дополняли.

То есть через некоторое время шеф должен был вызвать его на инструктаж.

Что, собственно, и произошло.

– Капитан, у нас тут имеют место быть экстравагантные вещи, – витиевато начал господин Дюсолье, аккуратно закрыв за Марком дверь в бюро. – В Страсбурге психоз, понимаете ли. Настоящая истерика! Предлагают нам искать иголку в стоге сена! И хорошо ещё искать, а не найти.

Он с раздражением бросил на стол фотографию молодого мужчины в фас и профиль.

– Вот, – кратко прокомментировал начальник. – Познакомьтесь. Георг Дамус! Пропавший сегодня два часа назад профессор.

Знакомиться с фотографией Каде не стал. Имя объекта необычного внимания со стороны спецслужб ему было хорошо известно. Этого Дамуса он помнил отлично.

– Георги.

– Что, Георги? – не понял Дюсолье.

– Георги Дамус. По материалам он проходит под таким именем. Так правильнее, господин полковник.

– Каде! – прорычал Дюсолье. – Что вы себе позволяете! Если у вас есть дополнительная информация, извольте докладывать сразу!

Полковник в ярости заходил вокруг спокойного, как кукла, подчинённого. Время от времени он прекращал круговые движения и застывал перед Каде, настойчиво заглядывая тому в глаза с расстояния в двадцать сантиметров. Однако просверлить дырку в капитане было

непросто, и в течение нескольких секунд мужчины походили на защищающих каждый свою территорию, напряжённых мартовских котов.

– Виноват, господин полковник, – по-солдатски отрапортовал наконец Марк Каде, не теряя обычного голографического выражения на своём лице. – Дополнительной информацией не владею. Имел возможность работать над этим делом два года назад и объект знаю.

Полковник подозрительно смотрел на как всегда подтянутого помощника. Тот был в дорогом летнем костюме, отутюженной сорочке и даже, несмотря на летнюю жару, при галстукке. Мягкие, пушистые волосы цвета соломы и щеки юнца играли с солнцем в весёлые акварельные раскраски. Этот нахальный мальчишка, больше похожий на стажёра, чем на кадрового офицера, удивлял и беспокоил Дюсолле с первого же своего появления в его ведомстве: через неделю после того, как он начал работу, все старые ищейки из особого отдела учтиво звали пацана либо по имени – Марк, либо по чину – капитан. Причём даже за глаза. Невероятно! А началось неожиданное восхождение Каде с турнира по борьбе без правил, куда его заманили, чтобы, как всякого новичка, по-товарищески слегка отутюжить. Марк отнекиваться не стал и явился в спортзал этаким покорным ягнёнком. Поболтался верёвочным болванчиком на турнике, даже не удосужившись подтянуться хотя бы разок. Покачал туда-сюда белобрысой головой в виде разминки. Покурил. И потом уложил нокаутом подряд пятерых отборных противников. По словам очевидцев, арбитр всех пяти матчей, узкоглазый Кичао Ванг, с вдохновением мотылька порхал вокруг борцов, оценивая неожиданные финты Каде и с расстановкой – словно цитировал Лао Цзи – отсчитывал положенные по регламенту секунды для объявления победителя. Дюсолле до сих пор не мог понять, как в таком аккуратном и гладком кусочке тела могла уживаться такая сила и опыт. Коллизия была явной и раздражающей.

А чего стоил его неморгающий взгляд ребёнка. И эта невыносимая, то ли невинная, то ли презрительная улыбка: прищуренные глаза и слегка надломанные губы. Впервые это гибридное выражение на лице нового подчинённого Дюсолле заметил как-то на одной из летучек. Минут пятнадцать полковник терпел. Однако думать о чем-либо другом, кроме загадочной физиономии, у полковника не получалось. Он не выдержал, подошёл к капитану, по-дружески положил ему руку на плечо и угрожающе процедил: «Каде, будьте так любезны, снимите эту вашу улыбочку с лица». На что мальчишка без усилия ответил, что жмурится от яркого света. И уставился на полковника своим долгим взглядом ребёнка.

Бранье то было или нет, неизвестно. Однако та же ненавистная комбинация прищура и надлома продолжала регулярно появляться и после, на других летучках, и даже в пасмурные дни.

Но самое отвратительное заключалось в том, что работа Каде была безупречна. Он умел вести допросы как никто другой, изматывая людей своим непрерывным кошачьим хождением по кругу, дымящейся сигаретой и молчанием. Кроме того в Каде совершенно неожиданно и гармонично уживались артист и солдат, креатив и способность слепо подчиняться любым приказам...

То есть придраться было решительно не к чему. Мало того, обойтись без своего юного помощника Дюсолле с некоторых пор уже не мог.

А теперь, оказывается, этот сопляк знал загадочного Георга!

– Хорошо, хорошо, Каде, – примирительно высказался Дюсолле после минутной заминки. – Докладывайте, что за фрукт такой этот ваш Георги.

Докладывать было о чём.

Два года назад Каде был приписан к центральному отделу в Страсбурге, где выполнял миссию координации с ведомствами других стран. Там, среди прочих пухлых досье, он столкнулся с любопытным материалом перехвата футуристической научной разработки у одного чокнутого вундеркинда. Тот, работая в одиночку, изобрёл настоящую машину времени. Однако недотёпа прокололся на какой-то ерунде – что-то там с использованием энергии –

так что о его изобретении быстро пронюхали военные. Допустить же, чтобы такая обещающая разработка попала в руки враждебным силам, было немислимо. И несчастного изобретателя заарканили и засекретили. Именно в подготовке и осуществлении перехвата и принимал участие лейтенант Каде.

После того как операция успешно прошла, и когда все формальности с пленением Георги Дамуса (именно так звали вундеркинда) были улажены, дело передали польским коллегам. Страсбург текущими вопросами не занимался. Однако у Каде эта история оставила привкус незавершённости; он был заинтригован; его магнитило к ней, как оборотня к луне; ему хотелось покопаться ещё и ещё; покрутить игрушку в руках. И он-таки решил некоторое время отслеживать движения подозрительного профессора на расстоянии. И оказался прав! Субъект очень быстро прославился нестандартными поступками. Несмотря на закрытый режим лаборатории и постоянный незаметный конвой из нескольких человек, несмотря на установленную вокруг него целую фабрику всевидящей электроники, Дамус неоднократно ухитрялся начисто пропадать из поля зрения коллег. А когда появлялся вновь, то всегда имел неопровержимое алиби, доказывающее нелепость беспокойства службы безопасности: то он якобы ловил рыбу, то ездил в шахматный клуб на улице Ярузельского в пригороде Варшавы, а то и вовсе всю ночь не покидал стерильных пределов лаборатории, в которой почему-то отключились датчики...

Марку же всё это математически доказывало совершенно обратное: субъект был явно непрост. Не профессор – тонкий игрок. Такой противник ему был по вкусу. Но, увы, к тому моменту лейтенант уже не имел компетенции для каких-либо действий против Дамуса. Он мог только с сожалением и беспомощностью наблюдать за проделками хитреца в недостижимой для него Польше. Корчиться от желания покопаться с любопытным материалом. Хорошо ещё, что эта попытка скоро закончилась: через несколько месяцев Каде получил чин капитана и был направлен в Париж...

– Теперь все ясно, – проворчал Дюсолье, когда Марк закончил доклад. Теперь причина тревоги ему не казалась такой уж экстравагантной. – А я-то думал, с чего бы это какой-то профессор удостоился такого беспрецедентного внимания. Ни дать ни взять, президент дружественной африканской республики после путча.

Он сделал несколько неспешных кругов по кабинету. Достал ящик с сигарами, бутылку коньяка и две стопки. Устроился в кресле и на минуту задумался.

– Каде, – наконец отдал приказ окончательного воспрявший духом полковник, – его нужно достать во что бы то ни стало. Хоть из-под земли!

– Достанем, – кратко отреагировал капитан, игнорируя предложенные коньяк и сигары и разглядывая некую точку перед собой с отстранённой сосредоточенностью рыбака, находящегося в процессе общения с поплавком удочки.

Прочих комментариев от него не последовало. Со стороны могло даже показаться, что Каде уснул с открытыми глазами, направленными куда-то на шумевший за окном бульвар Дю-Пале. Но капитан не спал, а думал; и впервые слушал своё сердцебиение. В одном из участков его мозга уже включился и работал механизм сыщика, организовывались первые схемы необходимых движений, выработывался общий план действия. Но привычному процессу что-то мешало. Где-то внутри Каде скреблась и ёрзала душа охотника, возвращающегося в тот лес, где когда-то его обхитрил и теперь ждал знакомый зверь, его злой гений. В нём впервые происходила странная, незапланированная борьба эмоций и разума.

«Вот мы и встретились!» – повторял внутри капитана спрятанный в нем охотник, путая логические построения, вмешиваясь в ход холодной разведческой мысли. Каде пытался расслабиться, увести сознание в те уголки мозга, которые умел контролировать, забыть о том, что, как мальчишка, ждал возвращения этой миссии. И не мог. У него не получалось! Появление Дамуса доказывало, что он не ошибался в своих странных предчувствиях, что он давно

и заранее всё знал, будто видел в будущем. Изобретатель-одиночка и он были зачем-то связаны одной судьбой!

Но зачем? Именно этот бесполезный вопрос вызывал у Марка сердцебиение. Потому что именно в эту минуту он снова отчётливо видел будущее. И в этом будущем он был не решающей силой, а простой шестерёнкой случая, смазанным смазкой колёсиком, крутящимся моментом. В этом чужом механизме всё двигалось не так, как ему хотелось бы. То есть в независимости от воли и желаний капитана. Вместо удовлетворения наконец-то начать долгожданную игру в кошки-мышки с растяпой-профессором, капитаном владели беспокойство и сомнение.

Эти незнакомые чувства были крайне неприятны.

И его сердце стучало.

Что же касается ничего не подозревающего Дюсолье, односложного ответа подчинённого ему оказалось вполне достаточно. В отличие от Каде полковник испытывал необычное для себя удовлетворение, в котором плавал, как в тёплой ванне. Благодаря неожиданному стечению обстоятельств его ведомство получило бонус. Да ещё какой! Игра еще не началась, а его основная фигура была уже в самом центре. Все складывалось как никогда удачно.

Он упустил из виду, что видимое человеку настоящее не является отражением прошлого и залогом на будущее. Его основная Фигура действительно стояла в центре. Но, увы, в полной растерянности...

– Что же, вам и карты в руки, капитан, – не ведая об ошибке, заключил полковник. – Завтра утром вы мне расскажете, где сегодня был и что делал этот таинственный Георг Дамус...

– Георги... – учтиво поправил начальника Марк Каде, не отрывая взгляда от своей судьбы.

Глава 6

Опять про машину времени

Cibi condimentum est fames. Это было про нас с Дамусом. Мы молча ели.

Пережёвывая остатки салата из морепродуктов, я размышлял о странностях жизни. О неожиданно представившейся возможности познакомиться с Георги воочию, вне туманной анонимности шахматного клуба. О том, как стечения обстоятельств в прошлом совершенно естественно принимают форму настоящего; как настоящее так же естественно готовится стать будущим, к которому мы и сами готовимся и которого ждём, как нечто заранее определённое. Размышлял о том, что, скорее всего, возьмусь за защиту неудачливого изобретателя, потому что все как будто бы клонится именно к этому; что, в конце концов, при желании свернуть горы можно и без тонких векторных расчётов: ведь можно же передвинуть Землю, если найти точку опоры.

Кроме того, слишком заманчиво было поменять ампула и, вместо опостылевших контрактов и разводов по обоюдному желанию, заняться процессом уголовным, обещающим свежие эмоции; как художнику попробовать себя в другой области...

Я взглянул на моего знакомого, потом, машинально, – на часы: с того момента, когда я увидел его бледно-зелёное лицо, и начала нашей беседы не прошло и четверти часа, шестьсот-семьсот секунд, не больше. В какую из этих недолгих секунд мог дрогнуть ореол таинственности, окутывавший поначалу этого человека? Сейчас он быстро рассеивался, напряжение, свойственное первому контакту, спадало, разумная настороженность таяла, вымышленный когда-то образ партнёра по шахматным партиям соединялся с настоящим зеленоватым лицом Дамуса, неодушевлённые предметы успокаивались и в беседу больше не встревали. Для полноценной симпатии было ещё, может быть, рановато, но лёгкость складывающихся отношений предвещала что-то на то похожее: Георги действительно был похож на человека, для которого суп на костре мог что-то значить. Мне даже казалось, что я его отлично знал уже раньше; не раз приходил к нему в техбюро, наблюдал, как он, спеша закончить работу, быстро управлялся с последней функцией, складывая и вычитая в уме, потому что любимая счётная машинка затерялась где-то под кипой бумаг, а в лысой голове контакты работают не хуже полупроводников японского производства.

Кроме рождающейся к Дамусу симпатии и желания попробовать силы на защите этого «неосторожного причинителя смерти», на дело толкало ещё кое-что. А именно странный комплекс побуждений, пришедших из очень далёкого детства.

Во мне неожиданно включилось мальчишеское любопытство. Чик – и загорелось лампочкой: хотелось, хоть одним глазком, взглянуть на аппарат – чудо новой технологии. И это несмотря на то, что, скорее всего, я ровным счётом ничего в нем не пойму! А также вопреки обычному безразличию к новинкам. Достижения науки уже давно стали сырьевым придатком жизни потребителей и никого не удивляют. Кто теперь задумывается над внутренностями той или иной полезной машины, над хитроумными силами, которые заставляют её работать? Никто! А кто не спит ночами в поисках ответа, что есть жидкие кристаллы и цифровые видео-записи? Кому любопытно четвёртое измерение?

В общем, человек избаловался, и я тоже.

А дамусовская штукавина почему-то волновала и будоражила. К ней хотелось прикоснуться. Походить вокруг. Заглянуть под днище, поковыряться внутри, и, может быть, даже покататься. До судеб Земли, человечества и науки моё любопытство, конечно, не доползло. В голову лезли всякие мелкие глупости, как будто речь шла об общедоступном аттракционе. Мечталось увидеть нас с Адель, например, через десять лет. Удивить коллег возможностями

в области уголовного следствия, добычи доказательств и разрешения проблемы идеального судебного решения. Передвижение во времени позволило бы отправиться в прошлое и, как в кино, увидеть связанные с преступлением события, факты, имеющими отношение к конкретному делу!

Я и предположить не мог, что аттракцион уже завертелся, и что я был звеном уже давно разворачивающихся событий. Что в Берлин я приехал не просто так, а забрать материалы дела...

– Мечтаете? – поинтересовался Дамус, шумно отпивая пиво.

Когда иголка соскакивает с пластинки, патефон замолкает и начинает бессмысленно шипеть. Кружение моих мыслей было остановлено так же просто и с тем же результатом: я бестолково смотрел в сторону собеседника, полголовы которого было спрятано за толстой пивной кружкой. – Если вы строите какие-то планы на будущее, – послышалось из-за стеклянного пузыря. – Напомню, что оно весьма неопределённо. Вы убедитесь, когда увидите мои фотографии.

Фотографии? Он и в самом деле говорил о каких-то фотографиях будущего, где Земля представлялась вымершей планетой. Я почему-то пропустил эту деталь. Может, из-за ресторанного гула, в котором воображение отказывалось рисовать пустоту. Может, из-за чего-то другого. Я безуспешно попытался представить некую, огромных размеров волну, жадно и беспощадно глотающую на своём пути все, что попадается, и потом – обломки и, наконец, пустую, неживую Землю... – А зачем вам нужен адвокат, если всё скоро канет в лету? – чуть было не огрызнулся я. – У вас что, имеется запасной вариант спасения, обходящий общепринятые законы?

В то время, как я боролся с раздражением, он широко улыбался, так что ко мне снова вернулось давешнее неприятное чувство, что мной манипулируют, крутят, как обыкновенной тряпичной куклой на ниточках.

Но через секунду его лицо сделалось серьёзным.

– Зачем нужен адвокат – сам не знаю, – признался он. – Может быть, синдром надежды, как у неизлечимого больного, чей срок уже близок, или у смертника накануне экзекуции. Может, что-то другое. Конечно, я уже привык к мысли, что человечество скоро погибнет: об этом будущем я даже думаю как об историческом факте, оно для меня стало почти реальностью. Я, как видите, позволяю даже себе шутить по этому поводу. Однако, эта реальность фиктивна, как документальный фильм о далёкой мировой войне, которую я сам лично не пережил. Казалось бы, факт есть факт, но связать его с собой у меня не получается. Не чувствую я его. В общем, для меня это просто фильм. И не документальный, а фантастический...

Что странно, кошмарная новость о скором исчезновении Земли не пугала и меня – уж больно неправдоподобной казалась история. Вместо драматических переживаний я занимался тем, что рассматривал узкий рот Дамуса, артикулирующий куда-то ускользящие, словно бьющиеся о звукоизоляционную прозрачную перегородку, слова.

– ...Так что есть и доля сомнения... – сознание зацепило остаток последней фразы Георги. – Прошло уже довольно много времени с тех пор, как я получил фотографии. Дни бегут, а надежда забирает массу энергии, и от неё в конце концов устаёшь. Наступает какое-то безразличие, похожее на оптимизм. В сумме, мне кажется, что я живу сейчас так, как если бы и не знал о том, что нас всех ждёт.

Он вздохнул, поковырял вилкой в уже почти пустой тарелке. Потом вздохнул ещё, на этот раз театрально, и его губы опять рывками, раз от раза всё шире, растянулись в широченную улыбку.

– Значит, вы говорите, исчезли люди, – решил я приостановить философские рассуждения Дамуса и вернуть его в русло конкретики. – Давно ли?

– Вы берётесь за дело? – живо отреагировал он.

– Пока, скажем, я согласен ознакомиться с материалами.

– Осторожность прежде всего! Всё понимаю, – возбуждённо проговорил довольный Георги. – Я уверен, что, когда вы просмотрите диск, вы не сможете отказать. На все ваши условия я заранее согласен, – добавил он.

– В моих условиях нет ничего особенного, – пожал я плечами. – Я работаю по принятым на территории Европы тарифам. Уточните лучше, на какой стадии процедура: под следствием вы или нет; предъявили ли вам обвинение; где и когда можно ознакомиться с актами?

– Пока ещё идёт внутриведомственное разбирательство. Сами понимаете – государственная тайна. Попросили никуда из Европейской части не выезжать и ясно дали понять, что против меня могут возбудить самое настоящее уголовное дело согласно какой-то там статье. Не помню какой...

«Значит, с официальным договором об оказании адвокатских услуг можно пока не спешить, – подумал я. – Отлично! Полистаю уголовный кодекс, посмотрю процесс, поразмышляю; авось через несколько дней все разрешится само собой, как это часто бывает с нестандартными казусами. Или клиент передумает...»

«А всё ж давно не брал я в руки шашек», – сформулировалось по-гоголевски в голове относительно колющих нервы перспектив заняться давно забытым уголовным процессом.

– Ну что ж, хорошо. Раз уж прокуратура пока не задействована, значит, время терпит. У нас есть возможность подумать и подготовить защиту, – несколько по-другому озвучил я свои мысли специально для Дамуса. И подытожил: – Может, ещё по пиву?

– По пиву, – бодро кивнул Георги.

Заказав какого-то особого старинного пива, замутнённого неправдоподобно высоким уровнем солода, мы потом ещё долго беседовали.

Я выставлял дополнительные условия. Вернее, пытался выставлять условия, потому что он тут же на всё соглашался...

Задавал конкретные технические вопросы. Вернее, пытался, поскольку собеседник радостно кивал и ссылался на диск.

Когда я начинал раздражаться – кружка наполнялась, и все начиналось сызнава.

Я говорил, например, что частным детективом не являюсь и что, по общему правилу, работаю в кабинете, за столом, и места свершения преступлений меня должны интересовать исключительно на бумаге, и что поэтому на будущее отказываюсь от всякого рода поездок и тайных встреч в Берлине или других городах планеты...

А он начинал соглашаться уже тогда, когда я ещё был на половине фразы. Обезоруживающе улыбался, поднимал вверх руки, сдавал оружие и штандарты.

– Очень рад, – говорил Георги, – я был уверен...

– Это заметно, – отвечал я.

– Представляете, что было бы, если между нами произошла электронная встреча? Да я бы никогда не смог уговорить вас взяться за работу. А так посидели, пива попили.

В принципе, в чём-то он был прав. Пиво бесспорно помогало.

На прощание, когда мы уже поднимались из-за стола, Георги мне всунул ещё один диск. Я вопросительно посмотрел на предмет, протянутый тонкой рукой.

– Это не второй диск, а просто футляр, – пояснил Георги Дамус. – Возьмите. Исключительно для удобства и сохранения материальной целостности носителя, который без упаковки долго не протянет...

Я пожал плечами: диску по-моему и «тянуть» вроде бы было нечего, пару часов на поезде, но коробочку взял. Сунул её в саквояж.

Окончательно расстались мы снаружи, где за нашим рукопожатием неотрывно наблюдал бронзовый Гёте, и двинулись каждый в свою сторону.

Глава 7

Сим-сим, откройся!

...Перемещение во времени можно с некоторым приближением представить в виде механического воздействия на некую точку, которая находится в непрерывном равномерном движении, характеризующемся неизменностью и постоянством. Непрерывное движение – это течение времени. Точка – это настоящее. Всё, что находится позади или впереди неё, есть ни что иное как прошлое и будущее. А у точки этой есть тень, которую в нормальных условиях увидеть невозможно. Но воздействие на точку позволяет, не сводя её с заданной траектории, ускорить перемещение этой самой тени или, наоборот, замедлить его или, наконец, даже дать ей обратный ход. Точка раздваивается – мы вместе с её тенью перемещаемся во времени.

Разумеется, этой схеме не хватает математической точности, и она грешит несовершенностью. Но, при всей условности, она позволяет увидеть главное – эфемерность путешествия во времени. Тень остаётся тенью, её беспрерывно влечёт воссоединиться с телом *Dominus res*, то есть с телом самой точки, представляющей настоящее. Чем дальше уходит тень от своего естественного положения, тем сильнее сила, тянущая её назад. Возврат её неизбежен. В этих условиях взаимоотношение между двумя временными единицами – реальной и её отклонившимся элементом – очень схоже с концами пружины, обладающей свойством абсолютной эластичности.

«Отсюда вывод, – в сотый раз повторял я про себя услышанную в ресторане научную истину. – Отправить некое тело вне настоящего мало. Искусственно созданное между ним и настоящим расстояние необходимо поддерживать постоянными и равномерными энергетическими вливаниями, иначе путешествие во времени будет настолько коротким, что его легче будет назвать не путешествием, а вылазкой, за которой последует судорожное возвращение, похожее на умирающее движение маятника.

Таким образом, с помощью формулы возможно воздействовать на силу, способствующую растяжению пружины. Та же формула, в чуть видоизменённом виде, позволяет более или менее стабильно поддерживать её в состоянии растяжения и вернуть без серьёзной потери времени, как если бы вы рукой останавливали часовой маятник, обратно...

Вернулся домой я в тот же день в состоянии лёгкой, толкающей на активные действия фрустрации. Быстро просмотрел бумажную и электронную почту, прочитал телеграммы. С нетерпением начал искать в сумке диск, который в дороге просмотреть не получилось: когда в поезде я включил дорожный компьютер и вложил в него маленький носитель интересной информации, то наткнулся на замок; вход в файлы был замурован секретным кодом.

Дамус даже и не обмолвился о существовании какого-либо шифра! Хотя в транспорте я работаю и редко – только в случае крайней необходимости, когда выйти из цейтнота иначе не получается – в этот раз заглянуть в новое дело не терпелось из чистого любопытства. Отсутствие кода этот порыв разбомбило: разгадывать загадки не хотелось, звонить Дамусу по такому поводу было бы неосторожно – он должен был сам вспомнить об упущении и проявить инициативу. В итоге ничего другого не оставалось, как переживать состояние невесомости приехавшего в гости и оказавшегося перед закрытой дверью и заколоченными окнами, под морозящим дождиком.

– Тоже мне, стратег, – усмехнулся я тогда, складывая вещи обратно в саквояж. – Тоже мне, шпион!

Но ругаться было бесполезно. Устроившись поудобнее, я посмотрел в окно: деревушки, хутора, перерезанные чёрными автобанами светло-жёлтые поля, быстро уносились вспять; в изменчивом пейзаже читались грядущие события и только что ушедшее. В какой-то миг

голова сама собой, как вакуумная пробирка – природа, как известно, не любит пустоты – наполнилась мыслями о прожитом дне с его новыми, совершенно невероятными, просто фантастическими истинами. Борьба с гейгеровским движением нейронов было бесполезно, и я отдался ментальному хаосу, свойственному возбуждённому сознанию, пытающемуся разрешить неразрешимое, найти логическое в нелогическом, погрузился в свежие воспоминания о механике времени...

А оказавшись, наконец, дома, захотел сразу же убедиться, что все это не сон. Порывшись в недрах саквояжа, рука первым делом встретила с совершенно забытым футляром. Я взял предмет, повертел, по инерции открыл – из миниатюрной коробочки выпал клочок бумаги, развернув который я прочитал: «ваши третий и четвёртый нашей второй».

«Вот оно что!» – записка объясняла, зачем Георги так настаивал, чтобы я воспользовался упаковкой; и почему я наткнулся на код, о котором Дамус не сказал ни слова. Мой потенциальный клиент явно любил скрывать и играть в кошки-мышки, а также проявлять прочие чудачества вроде писем на польском языке и ненужных встреч в Берлине под вымышленным именем.

Не долго думая, я сел за рабочий стол и достал наполненный неизвестной пока притягательной информацией квадратик диска (квадратура круга – такое бывает и в жизни адвоката). Шарада с кодом была некстати. Но выбора не было: перед воссоединением с семьёй на африканском континенте нужно было втиснуть новое дело в обычный график работы. А для этого нужно было во что бы то ни стало просмотреть полученный материал. То есть подобрать к нему ключик. Я снова перечитал корявую фразу на клочке бумаги, и в голову сразу пришла первая идея. В головоломке речь явно шла о наших с Дамусом шахматных встречах. Ведь ничто другое нас с ним не связывало. Получалось, что «ваши третий и четвёртый» по всей вероятности соответствовали моим ходам, а «нашей второй» – определяли партию, в которой они были проделаны. Идея такого шифра была весьма недурной: кто ещё, кроме меня, смог бы догадаться, что лишённая начала и конца строка предполагает клеточки шахматной доски? С другой стороны, восстановить цифровую с буквами фразу ничуть не сложно, даже тому, кто никогда не записывает свои ходы. Начало любой партии можно нащупать методом тыка.

Я с воодушевлением принялся за работу, искренне надеясь разрешить проблему как можно скорее. Выписав все наиболее часто используемые мной начала белыми и чёрными, я попробовал ввести полученные комбинации. Покрутил и так и сяк. С шестой или седьмой попытки в компьютере тихо забурлило!

– Здравствуйте, господин Р. Ко-off.

Мне почудилось, что голос возник где-то за спиной. От такой неожиданности внутри всё колыхнулось волной, поменялось местами, съёжилось. Захотелось обернуться, но в тот же миг тёмный до этого экран заполнился лицом Дамуса. Потерянный голос принадлежал ему.

– Шут! – не удержался я от восклицания вслух – Чёртов юзер!

Меня выдернуло из кресла, и я заходил по комнате, сбрасывая липкое оцепенение, между тем как Дамус продолжал свою вступительную речь.

«Ещё раз хочу выразить свою крайнюю признательность относительно того, что вы согласились ознакомиться с делом. Буду лаконичен. Этот диск я приготовил исключительно для вас. Постарайтесь сохранить информацию в тайне. Я ни в коем случае не подвергаю сомнению ваш профессионализм, однако прошу вас как можно быстрее ознакомиться с заложенной в ней информацией, и, если вы не возьмётесь за мой гиблый казус, уничтожить... С систематизацией вы сами разберётесь. Некоторые документы изложены в письменном виде. Некоторые – в форме видеозаписи. Есть и фотографии, о которых я вам уже говорил. Среди них вы увидите и удачные, и неудачные. Крайне не хотелось вам досаждать своим присутствием, но часть документов я вынужден буду прокомментировать. Так что мы ещё встретимся...»

Георги Дамус прервался, посмотрел куда-то на невидимую мне поверхность стола, словно искал в составленном для себя списке, не забыл ли он сказать ещё о чем-нибудь, и продолжил: «Если вы согласитесь на мою защиту, дайте знать через клуб; там, если нужно будет, обговорим детали, я постараюсь ответить на возникшие у вас вопросы. Если меня не окажется в клубе, и вы никаким другим путём не сможете войти со мной в контакт, найдите в файле „контракт“, рубрику „подпись“ и просто нажмите ввод. Вы автоматически получите деньги – ваш гонорар и средства на непредвиденные расходы. Желаю вам приятного отдыха. Надеюсь, до скорой встречи. Как видите, – закончил он на шутливой ноте, – я заранее всё изложил по-французски, а не по-польски. Шутки в сторону!»

Благодаря деловому тону Георги возникшее было ощущение, что со мной опять играют в кошки-мышки, постепенно рассосалось. Я продолжал ходить по кабинету, но уже спокойнее... В иной ситуации я может быть сложил бы с себя полномочия, тем более, что официального соглашения между нами ещё подписано не было. Но сейчас решиться на такой шаг я чувствовал себя неспособным. Подкупало дамусовское открытое, какое-то детское расположение ко мне. *Inuitu personae*. Несмотря на странноватые замашки, нужно было отдать ему должное. Бывший Томас предусмотрел практически всё и до мелочей: нашу встречу, мой второй стол и согласие; вплоть до моих вопросов. В конечном итоге, это могло означать не то, что он манипулировал мной, а просто его желание довериться именно мне и сделать всё возможное, чтобы я согласился на защиту.

...А может даже и то, что ему удалось-таки посетить будущее. Не зря же он изобрёл машину...

Я, наконец, сел перед компьютером. Мой потенциальный клиент с экрана пропал. На скучном синем фоне, будто камень на перепутье былинного Ильи, светился теперь трёхзначный выбор: «продолжить», «вернуться в начало», «выйти». И, глядя эти три лаконичных предложения, я вдруг осознал, что страшно устал: сказывались две тысячи километров в скоростном поезде, незапланированный курс по физической динамике, пиво и, конечно, ребусы с кодом. Так что рассматривал я синюю картинку не долго. Проход к информации был расчищен, и приступить к работе я мог в любой момент. Можно было считать, что на этом этапе истории основная задача была выполнена. С лёгким чувством я нажал на «выход», и благополучно вернулся в спокойное трёхмерное пространство французского буржуа.

В нём я заваривал чай, поливал цветы, затем пил чай и с удовольствием ни о чём не думал. Выходил на крыльцо взглянуть на вечернее гаснущее небо, как оно превращается в космос и всем своим вакуумом вдыхает тёплый воздух, исходящий от земли. Сидел на крыльце и опять ни о чём не думал. Смотрел, как быстро темнеет вокруг. Когда стало совсем темно и за деревьями сада зажглись городские фонари, я запер дом и, зайдя в спальную, где в спокойном танце кружились рыбки, сел перед аквариумом на корточки. Тук-тук-тук – на моё приветствие за округлым стеклом всё живо встрепенулось, метнулось как-то сразу во всех направлениях.

«Живые, существа! – подумал я. – Испугались, бедняжки. Совсем как люди-человеки». Но постепенно в аквариуме всё пришло в спокойствие. Размеренный рыбий вальс продолжился, а я лёг спать уверенный в том, что завтра всё сложится как надо, и что на каникулы я смогу отправиться с лёгкой душой.

И правда, когда утром, ровно в восемь тридцать я соединился с юристами контрагента, то сразу почувствовал, что те на другом краю Земли тоже готовятся к каникулам: мы быстро обсудили последние детали, лихо прошли по пунктам, прокатились по поправкам и взаимным претензиям, пестрящим в черновых вариантах. Через какой-то час-полтора всё было готово. Дело было за подписями и энергичными рукопожатиями. Я сам потирал руки – если сегодня всё пройдёт гладко, уже завтра же с утра – саквояж под мышку и к своим.

Тем временем «берлинский материал» спрятанный в миниатюрном диске, послушно лежал неким, пока ещё таинственным предметом на правой стороне стола в полной изоляции

от обычного бумажного скопления, время от времени притягивая взгляд. Времени взглянуть на фотографии и изучить документы было достаточно.

Когда с договором всё было окончательно улажено, диск самым естественным образом очутился у меня в руках. Какую-то долю секунды пальцы невольно сжимали маленькую гладкую пластинку. Потом миниатюрный предмет решительно скользнул в недра компьютера; там что-то щёлкнуло, встало на место. Теперь нужно было пройти через испытание кодом. Нервный холодок, который я не любил ещё в университетские годы, особенно перед экзаменами, собрался застывшей кровью на затылке и на кончиках пальцев, мешая набивать третий и четвёртый. «Ну, – подумалось, – волшебный шифр, действуй».

Глава 8

В недрах диска

И Сим-сим любезно не отказал: через секунду вчерашнее изображение изобретателя машины времени утвердилось на экране. Поверхностно прослушав вступление, я без колебаний нажал на кнопку «продолжить» и пустился в скитания по диску.

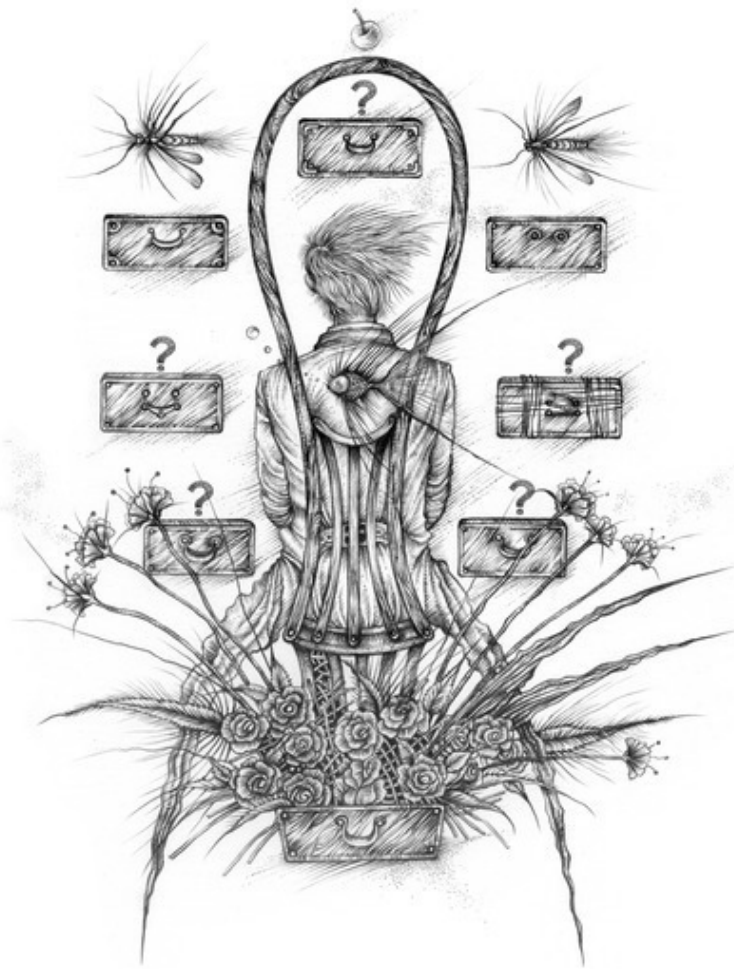
11:30.

Возникла довольно простенькая картотека из нескольких ярусов с пятью-шестью стеллажами, в каждом из которых виднелись десятки выдвижных ящичков, как в муниципальной библиотеке. На каждом ящичке было что-то написано, по-видимому, названия документов. Однако, чтобы как следует рассмотреть ярлычки, сначала нужно было кликнуть на стеллаж: он выдвигался, и картинка сразу увеличивалась.

Дабы освоиться с этим виртуальным построением, я сначала слегка подвигал туда-сюда полки и ящики, а потом залез в стеллаж, в котором содержались фотографии из будущего. А в нём, словно изголодавшийся – уж слишком долго пришлось ждать этого момента – я первым же делом набросился и открыл ящик со снимками, изображающими нашу бедную планету после грядущей катастрофы. Это были фотографии, которые машина привезла Дамусу в самом начале эксперимента. Против всякого ожидания в ящике обнаружилось всего девять пронумерованных клише. Всего девять! Три плюс три и плюс три. На экране компьютера они выглядели как аккуратные коробочки с экземплярами редких насекомых в огромной витрине коллекционера-энтомолога. Для углублённого анализа это было совсем не густо.

...Однако для утоления жажды любопытства достаточно, и я принялся за просмотр. Один за другим я медленно разглядывал снимки, каждый увеличивая до размеров экрана. И с каждым новым изображением моё разочарование неотвратимо крепчало. Любопытство, возбуждённое рекламной силой рассказов Дамуса оказалось беспощадно обмануто! Мне подсунули какой-то хлам, некие обрывки неудачного фантастического фильма, неумелый любительский монтаж! Электронные игрушки четырёхлетнего Тимура впечатляли гораздо больше. Причём, расплывающемуся, как клякса, разочарованию не препятствовало даже и то, что изображённая на снимках планета якобы должна была быть Землёй.

Все девять клише ничем особенным друг от друга не отличались. Может какими-то мелкими и незаметными для меня деталями, как в журнальных шарадах под рубрикой «найди десять отличий». Если бы не загадочный контекст, разглядывать их было бы откровенно скучно: голая, ровная, бескрайняя пустыня без гор, сопок или хотя бы барханов; признаков присутствия или остатков человеческой цивилизации или других живых организмов не наблюдается; небо над пустыней тёмное, на земное не похожее; на нём то тут, то там обозначены световые пятна; кое-где оно словно перерезано шрамами, наверное – движущимися светилами и кометами; Луны не видно; солнце кажется бесконечно далёким и холодным; в каждом из девяти снимков оно фигурирует в одном и том же левом верхнем углу.

Георги обещал пугающее зрелище. Однако катастрофы, несущей страшную смерть, в нелепых картинках никак не прочитывалось. За окном было солнечно и спокойно, часы показывали 11:53, где-то далеко меня ждали на отдых жена и сын... И всё это – и залитое солнцем настоящее, и такое же прекрасное будущее – не могло остановиться так внезапно! «Наверное, – размышлял я, просматривая фотографии ещё и ещё раз, абсолютно не веря в то, что вижу, – в том и заключается величие смерти, что приходит она спокойно, почти незаметно; без

помпезности и предупреждения, когда её не ждёшь; и машина времени здесь помочь ничем не может!..

Извлекать из этой серии фотографий какие-либо полезные для дела Дамуса выводы было явно преждевременно, и, закрыв ящик, я перешёл в общее меню стеллажа, чтобы посмотреть следующие.

11:59.

Гадать над выбором я не стал и погрузился в ближайший. Однако, содержание этого ящика ни в какое сравнение с предыдущим идти не могло. Файлов в нём оказалось видимо-невидимо. Сгруппированные в чёткие ряды мелкие тёмные папочки производили впечатление коробки шоколадных конфет монументальных размеров или американского военного кладбища в Нормандии. От их количества рябило в глазах. Если бы не нумерация регулярно разложенных по экрану чернеющих параллелограммчиков, можно было бы сбиться со счёта. В отчаянии я заглянул в конец файла: последняя ячейка имела 897 номер. К такому марафону я был не готов!

12:03.

Но это было ещё не всё. Кликнув на первый параллелограммчик, я понял, что открыл матрёшку: в ней была еще одна огромная коробка конфет в виде американского военного кладбища! А именно, 432 фотографии.

Я взялся рассматривать снимки с таким же вниманием, что и первую партию. Но скоро понял, что такое прилежание было ни к чему. Смотреть было не на что. Каждый снимок представлял собой более или менее засвеченную фотобумагу, что-то вроде отбросов первого дня деятельности детского фотокружка. Раз за разом на экране возникало что-то тёмное, почти чёрное, иногда разбавленное неясными формами или разводами посветлее. Я начал нетерпеливо перескакивать от фотографии к фотографии. Потом – из ячейки в другую. Но каждый новый раз результат просмотра был тем же – фотомусор.

От раздражения я начал тихонько посвистывать. Таких ящиков на стеллаже было около сотни, и, если предположить, что в каждом из них было сходное количество фотографий, просматривать всё пришлось бы до пенсии! По инерции я кликнул ещё на пару фотографий – результат был всё тем же. Вот вам и бесконечная эластичность пружины! Девять неудачных пейзажей и целый ворох мутных отпечатков – вот и весь результат многомесячной работы над машиной времени. Георги говорил, что до подводной лодки им было далеко. А я бы на его месте даже о бревне не заикался...

Посвистывание уже не помогало – раздражение достигло максимальной точки. Если бы ящик с этим ворохом баракла был деревянным, я с удовольствием захлопнул бы крышку и вбил бы в нее пару гвоздей. Не имея такой возможности, я в ярости ткнул пальцем в кнопку выхода!

...И сразу увидел, что кроме фотографий на стеллаже, на самом видном месте, покоился еще один ящичек, без номера, но с лаконичным названием «info». Слеплённый желанием

увидеть будущее, я не заметил, что к содержимому этой части библиотеки были приготовлены объяснения.

12:31.

Я вошёл в приготовленный изобретателем файл с некоторым недоверием, но через минуту расслабился: это были действительно комментарии возникшего, как чёртик из табакерки, серьёзного Дамуса. Из них следовало, что все бесконечные фотопробы были материальным выражением неудачных попыток посетить будущее или прошлое военным ведомством; обращать особое внимание на каждую из них, по его мнению, не стоило, так как собраны они были для полноты материалов. Вместо них Дамус предлагал посмотреть прежде всего его девять снимков – это я уже сделал – а также фотографии удачных попыток ведомства посетить будущее с чётким изображением. Изобретатель показал, где, как и что искать.

13:05.

Следуя полученным указаниям, я внедрился в ящик с серией фотографий лучшего качества. На трёх десятках снимков можно было ясно различить тёмное космическое небо, звёзды, сферические тела, напоминающие планеты. Земли на них видно не было, будто объективы фотоаппаратуры были направлены вверх. На каждом снимке фигурировали дата и время отправления машины в будущее, и дата и время фотографии в будущем.

Рассматривая их, я никак не мог избавиться от недоумения: в полученных результатах фотосессий прослеживалась логика «однорукого бандита» казино туристического городка побережья Атлантики. То есть, собственно говоря, логика и последовательность отсутствовали. А ведь все опыты с машиной проводились, скорее всего, в идентичных условиях. Конечно, менялись даты экспериментов. Но, тем не менее, мне представлялось, что получаемые изображения должны были быть сопоставимы. А если повторять дату заброса – идентичными. Здесь же всё получалось иначе. За удачным и многообещающим началом, положенным Дамусом в одиночку, продолжение эксперимента в военной лаборатории выглядело хаотично. Попытки запуска машины проходили то с абсолютно провальными результатами, то с редкими и неожиданными вкраплениями лучшего качества.

Здесь мне вдруг вспомнилась встреча в Берлине. Занятый своими мыслями, я тогда пропустил мимо ушей рассуждения Дамуса о каких-то поводах к сомнению и некой надежде. Может в том и заключалась надежда, что фотографии были лишены определённости...

13:55.

Следующий стеллаж виртуальной библиотеки Георги был заполнен ящиками сравнительно больших размеров. Дамус даже сделал так, что при выдвижении они реалистично поскрипывали. Чтобы не повторять предыдущей ошибки, я сначала вошёл в раздел с комментариями. Начинались они со ставшего привычным короткого появления Изобретателя, вводящего в курс дела:

«Собранный здесь материал включает в себя несколько интересных видеозаписей. Благодаря им вы сможете познакомиться с моими и – я очень надеюсь – вашими противниками из Ведомства, господами Камдессью и Хурамом. Сможете увидеть работу над усовершенствованием машины и узнать, как военные пронюхали о моих экспериментах. Кстати, запись первых протоколов я получил совершенно случайно после того, как стал работать на Ведомство. Благодаря одному контакту я получил доступ к информационному блоку; а однажды, манипулируя сетью, совершил небольшую оплошность – вроде как не туда нажал – и взломал вход в секретный отдел картотеки Ведомства. Уровень её охраны был, видимо, невысок: то, что там хранилось, было интересным только для административных крыс. Кто мог предположить, что я – заинтересованное лицо – окажусь нечаянным пиратом? Мне, наверное, в тот день надо было сыграть в лото... Разумеется, ознакомившись с первым, со следующих протоколов я снимал копии регулярно и целенаправленно. Не из злых побуждений, а исключительно для гипотетической самозащиты. Что, как выяснилось, сейчас оказалось полезным. Так или

иначе, но документы получены незаконным путём; так сказать, украдены. Если в будущем вы желаете избежать осложнений, можете установить кодировку, а также спрятаться за программой-невидимкой: весь компрометирующий контент исчезнет с диска. О его присутствии будете знать только вы. Может быть, если диск попадёт в чужие руки, подозрительную пустоту сможет почувствовать внимательный профессионал-электронщик. Однако, даже в этом случае, не зная ни кода, ни то место, в которое его необходимо заложить, он ничего не сможет сделать. В общем, следуйте моим пояснениям. Много времени не потратите... ..Теоретически!» – многозначительно закончил Дамус и пропал с экрана.

14:10.

Я послушно открыл первый документ первого подраздела – запись пошла. В глаза бросилась расположенная в правом верхнем углу экрана ярко-красная надпись крупных размеров. С таким странным секретным грифом, который, в прямом смысле слова, прочитать не представлялось возможным, я сталкивался впервые: надпись с невероятной скоростью чередовала все живые европейские языки. Было странно читать не читая – смысл написанного впитывался молниеносно. Предупреждение действовало напрямую на подсознание, на психику, целило вглубь, проскакивая без остановки через извилины поверхностного разума. Я сидел как завожженный, а в висках пощёлкивало: со-вер-шен-но-сек-рет-но-не-за-кон-ное-оз-на-ком-ле-ние-с-нас-то-я-щим-до-ку-мен-том-вле-чёт... Где-то посередине фразы зыбко застыла цифра, приковывающая остатки лишённого воли внимания – номер статьи европейского УК. В ней, наверняка, речь шла о привлечении к ответственности за измену или покушение на целостность чего-то, может быть, государственных интересов.

То есть, Дамус сунул свой нос – пусть нечаянно – но достаточно далеко, чтобы сестра не только за предполагаемое убийство, но и за кражу секретных документов. И, может быть, потянуть следом за собой и меня. Причем самое смешное было в том, что риск был бесполезным: ни этот документ, ни остальные из пиратской серии не могли послужить доказательствами, и в процедурном смысле были обыкновенной обузой.

14:15.

По сравнению с точащей нервы ритмикой официального предупреждения спокойствие происходящего на самой записи обращало на себя внимание самым второстепеннейшим образом. Запись трёхлетней давности текла мимо сознания репродукцией натюрморта, написанного сотни лет назад: просторный и светлый чиновничий кабинет, обставленный с определённым вкусом и, наверняка, принадлежащий какому-нибудь высокопоставленному лицу; в кабинете двое мужчин, одетых в штатское, но с признаками военной выправки; их спокойная беседа протекает в неофициальной салонной части помещения; никакой напряжённости в позах – она теряется в мягких провалах дивана и подушках кресел, растворяется в зыбком воздухе над чашками горячего кофе, скользит по поверхности низкого столика; чашки, словно качели, поочередно то поднимаются к губам, то с цоканьем опускаются на прозрачный низкий столик японца Noguchi; в руках беседующих тлеют сигары; их голоса тихи.

Из-за гипнотического воздействия мелькающей красной фразы начало записи я пропустил. А когда постепенно переключился на просмотр, то оказался уже где-то в середине беседы. И эта середина меня сразу заинтриговала. И, между прочим, заставила забыть об опасности сестры за решётку вместе с клиентом! Как и обещал изобретатель, записанный диалог касался его деятельности, и, хоть процессуальная ценность документа была весьма абстрактной, возможность покопаться в периферийных деталях казуса могла стать весомым подспорьем в его дальнейшем разрешении.

14:30.

Я перекрутил документ на начало и погрузился в просмотр. При внимательном изучении становилось ясно, что ни мерное фарфоровое покачивание кофейных чашечек, ни тихий тон разговора не могут окончательно скрыть повисшую среди белого, похожего на рваный туман,

сигарного дыма, прозрачный занавес между властью и подчинением. Он невидимой стеной делил пространство кабинета на два неравных лагеря. С одной стороны были владения маленького, сухого и совершенно белого от возраста и одежды мужчины – он занимал диван и выглядел хозяином. Второй мужчина – тоже с сединой, но помоложе – находился по другую сторону столика в глубоком кресле. Сидел он, однако, прямо и подавшись вперед, как на низкой табуретке. Между глотками кофе посматривал в записи блокнота. Сигарой затягивался редко и без наслаждения. Видимо, он был подчинённым.

– Он работает на нас уже в течение двух с половиной лет, – ровным голосом объяснял тот, который был помоложе. Слова его выходили аккуратными ломтиками, тикали в пространстве кабинета метрономом. – Прошёл стажировку в Дании. Сейчас нанят по контракту в физико-практический центр польского отделения Министерства обороны. Есть несколько программ, которые интересуют объединённое Европейское правительство. Работает над несколькими научными проектами сразу. Из Польши до последнего времени ещё ни разу не выезжал.

– Чем конкретно занят этот «одноногий»⁴?

– Занимает пост второго контролёра. Выискивает и исправляет мелкие ошибки в расчётах. При невозможности – то есть, если узел ошибок одному не распутать – пишет рапорты. Зарабатывает исключительно хорошо.

– И что же вас так беспокоит в его поведении?

– Вне всякого отношения к поведению субъекта нас занимают три вещи. Внезапное исчезновение с его банковского счета крупной денежной суммы, механика этого исчезновения и результат. Дело в том, что финансовой операции как таковой мы не заметили. Неделю назад господин Дамус неожиданно явился в ближайшее отделение своего банка, заказал и в тот же день забрал все свободные ликвиды. И ничего не приобрёл. На отдых в далёкие страны не ездил, в рулетку не играл, бриллиантов не покупал. Именно поэтому я вынужден подчеркнуть, что деньги исчезли. Просто исчезли, будто он их зарыл у себя в саду или сжёг. Между прочим, сада у него нет, мы проверили даже и эту во всех отношениях неправдоподобную версию.

– Вы думаете, что он на кого-нибудь работает?

– Трудно сказать. Если бы он выполнял задание серьёзного работодателя, ему бы не пришлось связываться с легкомысленными операциями такого рода. Даже если бы у него был подрядчик, речь не шла бы о такой колоссальной сумме. Впрочем, все расходы были бы всё равно покрыты заказчиком. И в конечном итоге платил бы не он, а ему. В целом, логики в данном поступке мало. Действует он по не знакомой нам ещё схеме.

– Действительно, выглядит, пожалуй, подозрительно. Может быть, у него есть другие банковские счета?

– Других банковских счетов не открывал. Хоть этот факт практически проверить трудно – мир велик, в нем есть страны, с которыми кооперировать не получается. Однако мы сейчас уверены в отсутствии других счетов на девяносто девять процентов.

– А родственные связи? Может, всё гораздо проще, чем мы думаем.

– Идёт дополнительная проверка. Но и здесь всё кажется кристально чисто. Дамус живёт один, вдали от своих. Ни в период под вопросом, ни после никто к нему не приезжал. Такое количество денег простым письмом не отошлешь. А чтобы выслать десяток бандеролей, набитых купюрами, нужно быть просто не в своём уме либо скрывать что-то очень серьёзное, что не наш случай.

---

⁴ По мере углубления в существо материалов я догадался, что «одноногим» Дамуса звали, потому что, согласно медицинским справкам ведомства, левая ступня у него была короче правой на полсантиметра. До записанной беседы белый старик, видимо, уже кое-что прочитал о Георги.

После недолгой паузы, в течение которой докладчик, вероятно, ожидал следующего вопроса, он продолжил:

– Наркотики, я имею в виду их потребление, здесь тоже ни при чём. Штат мы подбираем не только исходя из интеллектуальных способностей кандидатов. Проверяем всё, в том числе пристрастия.

– Хорошо, – старый джентльмен в белом затянулся, разглядывая кончик своей сигары, выпустил облачко дыма. – Продолжайте следствие, Хурам. Даю вам карт-бланш: подслушивание, проверка корреспонденции, слежка и так далее по необходимости. И держите меня в курсе...».

На этом запись резко заканчивалась – кофе оставался недопитым, сигары недокуренными, диалог незаконченным... Хотя ничего конкретного из неё я и не узнал, начало истории выглядело захватывающим: настоящий детектив. Впрочем, за этим первым протоколом следовали другие, и продолжение обещало столь же интригующим.

И мои ожидания оправдались с лихвой: из истории Дамуса получался не детектив, а целый сериал.

15:32.

В следующих записях я встретился с теми же двумя действующими лицами, тем же помещением и той же обстановкой. Изредка во встречах принимали участие два-три других персонажа. Исполнители либо чиновники других подразделений, присутствие которых оставалось непонятным, поскольку они почти никогда не открывали рта.

Из этих задокументированных встреч мне постепенно стало ясно, как глупо и совсем нехитро Дамус прокололся.

Оказалось, что его машина потребляла огромное количество энергии. Этот скромный факт Георги обнаружил не сразу по очень простой причине. По контракту с поставщиком электроэнергии в обязательства Дамуса входила оплата каждые три месяца. А за первые несколько недель эйфории, которой он поддался после заполучения прямо из будущего злополучных девяти фотографий, он «налетал» примерно на сумму, адекватную трёхдневным энергозатратам небольшого металлургического завода. К счастью, он зарабатывал очень приличные деньги и смог без труда расплатиться. К несчастью, на оплату электроэнергии истратил почти все свои сбережения и заодно разбудил подозрения внутриведомственной разведки. Та, удивлённая странной «пропажей» денег, естественно, стала копаться. И оказалось, что благодаря своему манёвру с оплатой наличными Георги удалось не предотвратить, а лишь замедлить ход нежелательных для него событий. Через несколько дней причина исчезновения миллионов с его счёта была уже известна и обсуждалась в верхах. А ещё через некоторое время его вызывали в Брюссель.

Когда за ним пришли гладко причёсанные, серьёзные, но вежливые люди, Дамус понял, что его вывели на чистую воду.

Обошлись с ним, однако, по-джентльменски: сделали предложение поделиться знаниями на настоящей контрактной основе. И даже позволили слегка поторговаться. Правда не слишком, так как отдать своё изобретение ему все-таки пришлось: другого более или менее достойного ответа на *argumentum baculinum*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.